

И. А. БУНИН. ИЗ НЕЗАКОНЧЕННОЙ КНИГИ О ЧЕХОВЕ

Публикация Н. И. Гитович

В последний год жизни И. А. Бунин работал над литературным портретом Чехова. Эта книга, оставшаяся незаконченной и недоработанной, после смерти Бунина издана вдовой писателя В. Н. Буниной с ее вступлением и предисловием М. А. Алданова: И. А. Б у н и н. О Чехове. Незаконченная рукопись. Нью-Йорк, 1955.

Мысль написать о Чехове возникла у Бунина еще в 1911 г., когда М. П. Чехова обратилась к нему с просьбой дать предисловие к готовящемуся изданию «Писем А. П. Чехова» (см. об этом выше, в статье А. К. Бабореко «Бунин и Чехов»). Тогда же Бунин дал согласие и издательству Маркса написать биографический очерк о Чехове. Но из этого предложения Бунин отказался, но по другим мотивам — ссылаясь на то, что ему дали слишком короткий срок — 1 ноября 1911 г. (см. письмо Бунина М. П. Чеховой от 9 сентября 1911 г. — ЛБ).

И только в 1952 г., когда, живя за границей, Бунин познакомился с письмами Чехова по Полному собранию сочинений и писем, выпущенному Гослитиздатом, а также с изданным Гослитиздатом сборником «Чехов в воспоминаниях современников», он снова решил писать о Чехове.

В. Н. Бунина пишет во вступлении к книге Бунина:

«В 1953 году нам, наконец, удалось приобрести советское издание „Письма А. П. Чехова“ (кроме двух первых томов). Мы их перечитывали. Иван Алексеевич, указывая мне, что нужно выписать, испестрил книги своими надписями и пометками.

Перечитал он в те времена все, что можно было достать в Париже о Чехове...»

В эту незаконченную книгу вошли воспоминания о Чехове, известные по предыдущим публикациям (см.: сб. «Знание», кн. 3. СПб., 1905; И. Б у н и н. Собр. соч., т. VI. СПб., изд. Маркса, 1915. — То же в сб. «Чехов в воспоминаниях современников», [изд. 1954 и 1960 гг. и в книге: И. Б у н и н. Собр. соч., т. 5. М., изд. «Правда», 1956]), дополненные не известными ранее отрывками. Как сообщает В. Н. Бунина, «в бессонные ночи Иван Алексеевич, — в последний год жизни он почти лишился сна, — делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, — вспоминал беседы с Чеховым».

В книгу включены также материалы, собранные Буниным для своей работы:

1) Выписки из нескольких книг о Чехове, к которым имеются критические замечания Бунина, сделанные им на полях этих книг: Л. Ш е с т о в. Творчество из ничего. Пб., 1908. М. К у р д ю м о в. Сердце смятенное. Нью-Йорк, 1934. З. Н. Г и л л и у с. Живые лица, т. II (глава «Благоухающие седины»). Прага, 1925. П. Б и ц и л л и. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа. София, 1942.

2) Выписки из писем Чехова.

3) Выписки из сборника «Чехов в воспоминаниях современников». — М., 1952, также с замечаниями Бунина на полях сборника. Лучшими из воспоминаний Бунин находил воспоминания Потапенко, Тихонова (Сереброва), Авилловой. Последние произвели на него сильное впечатление. Они перепечатаны в книге почти целиком и дополнены письмами Авилловой к И. А. и В. Н. Буниным, посланными из Чехословакии, где

Авилова жила в 1922—1923 гг. В них нет ничего о Чехове и даны они только для характеристики Авиловой.

Сделаны выписки из воспоминаний Симова, Короленко, Лазарева-Грузинского, Щеглова, Щепкиной-Куперник, Станиславского, Немировича-Данченко, Телешева, Вересаева, Елпатьевского, Карпова, Гарина, Россолимо. К этим отрывкам даны краткие замечания Бунина, большей частью отрицательного характера.

Отрицательно оценивает Бунин воспоминания Горького. Имя Горького в книге упоминается несколько раз, и все эти упоминания носят явно злобный характер, даже в тех местах книги, где Бунин вспоминает годы своей дружбы с Горьким.

Из первой части книги мы печатаем первую главу, которая, по-видимому, наиболее законченна и дает некоторое представление о характере задуманной Буниным работы, и главы третью и четвертую, в которых, наряду с известными отрывками из записных книжек Бунина, имеются новые страницы. Печатаются также некоторые выдержки мемуарного характера из второй части книги. Цитаты, приводимые Буниным из писем Чехова, воспоминаний о нем и т. п., сверены и встречающиеся в них неточности устранены.

Воспоминания Бунина, близко знавшего Чехова в последние годы его жизни, несомненно занимают одно из первых мест в мемуарной литературе о Чехове. О том, что Бунин очень тонко понимал Чехова, писала М. П. Чехова в письме к П. В. Быкову от 10 мая 1911 г.: «Вы просили меня указать вам кого-нибудь, кто бы мог написать биографию покойного моего брата, и, если вы помните, я советовала вам Ив. Ал. Бунин. И теперь советую его же и даже прошу. Лучше его никто не напишет, он очень хорошо знал покойного, понимал его и может беспристрастно к этому делу приступить... Повторяю, мне бы очень хотелось, чтобы биография соответствовала действительности и была бы написана И. А. Буниным» (ИРЛИ, ф. Быкова, № 273).

О ЧЕХОВЕ

Из части первой

I

Мы сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах:

— Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слыхали такое звание?

— Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

— Можно мне переписать его?

— Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви:

„1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна; восприемники: таганрогский купеческий брат Спиридон Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Сафьянопуло жена“.

— Купеческий брат! удивительное звание! — никогда не слыхал! В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 Генваря. Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (16 января 1899 г.): «Сегодня день моего рождения: 39 лет. Завтра именины, здешние мои знакомые барышни и барыни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон¹.

* * *

Я спрашивал Евгению Яковлевну (мать Чехова) и Марью Павловну: — Скажите, Антон Павлович плакал когда-нибудь? — Никогда в жизни, — твердо отвечали обе. Замечательно ².

* * *

Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе глухом в ту пору, и характер этой скучной страны не мало, должно быть, способствовал развитию его прирожденной меланхолии. Печальная, безнадёжная основа его характера происходила еще и от того, что в нем, как мне всегда казалось, было довольно много какой-то восточной наследственности, — сужу по лицам его простонародных родных, по их несколько косым и узким глазам и выдающимся скулам. И сам он делался с годами похож на них все больше и состарился душевно и телесно очень рано, как и подобает восточным людям. Чахотка чахоткой, но все же не одна она была причиной того, что, будучи всего сорока лет, он уже стал похож на очень пожилого монгола своим желтоватым, морщинистым лицом. А детство? Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлиненной губой мать, «истовый и строгий» отец, заставлявший старших сыновей по ночам петь в церковном хоре, мучивший их спевками поздними вечерами, как какой-нибудь зверь; требовавший с самого нежного возраста, чтобы они сидели по очереди в качестве «хозяйского ока» в лавке. И чаще всего страдал Антоша, — наблюдательный отец сразу отметил его исполнительность и чаще других засаживал его за прилавок, когда нужно было куда-нибудь ему отлучиться. Единственное оправдание — если бы не было церковного хора, спевок, то и не было бы рассказов ни «Святой ночью», ни «Студента», ни «Святых гор» ³, ни «Архиерея», не было бы, может быть, и «Убийства» без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов. Конечно, кроме лавки, помогло еще узнать людей и то, что он с шестнадцати лет жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб, а затем в Москве еще студентом много толкался в «мелкой прессе», где человеческие недостатки и даже пороки не очень скрываются. Он назвал эту среду «кичевщиной», по фамилии Петра Кичеева, «типичного представителя продажной мелкой прессы» ⁴. Помогла и профессия врача. Он чуть ли не с первых курсов стал летом работать в земских больницах в Новом Иерусалиме, в Воскресенске. Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковно-приходской школе, квартира была из четырех комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему.

Потом они снимали флигель на летние месяцы в Бабкине, имении Киселевых, с которыми они очень сдружились. Это — была уже подмосковная. Отец М. В. Киселевой, Бегичев, был директором Малого театра, а потому у Киселевых вечно бывали актеры, музыканты, певцы, художники. У них Чехов вошел вместе с Марьей Павловной, которая очень подружилась с М. В. Киселевой, в артистическую среду, часто много слушал там у них серьезную музыку.

При его восприимчивости и наблюдательности, семь лет в этих местах дали ему как писателю очень много. Ведь и «Унтер Пришибеев» оттуда, и «Дочь Альбиона», и «Егеря», и «Злоумышленник», и «Хирургия», и «Налим»...

И странно, как много дали его произведений подмосковные места, так ничего не дал Псел, где он прожил два лета 88, 89, хотя восторгался этими местами выше меры, но в литературе его они не отразились.

ЧЕХОВ и И. А. БУНИН

Фотография 1902 или 1903 г.
Местонахождение оригинала не-
известно. Печатается по пере-
съемке

«На картонке любительской,
не помню, кем снятой, — в его
кабинете мы сидим — он
в кресле, а я на ручке кресла —
у него смеющееся лицо, у меня
злое, осовелое...» (Из воспо-
минаний И. А. Бунина)

Собрание В. Н. Буниной,
Париж

* * *

Меня поражает, как он моложе тридцати лет мог написать «Скучную историю», «Княгиню», «На пути», «Холодную кровь», «Тину», «Хористку», «Тиф»... Кроме художественного таланта, изумляет во всех этих рассказах знание жизни, глубокое проникновение в человеческую душу в такие еще молодые годы. Конечно, работа врача ему очень много дала в этом отношении. Он всегда говорил мне и профессору Россолимо, что благодаря ей область его наблюдений расширилась и обогатила его знаниями, настоящую цену которых для него, как писателя, может понять только врач. «Знание медицины меня избавило от многих ошибок, которых не избег и сам Толстой, например, в „Крейцеровой сонате“»⁵.

И, конечно, если бы не туберкулез, он никогда бы медицины не бросил. Лечить он очень любил, звание врача ставил высоко, — недаром в паспорте Ольги Леонардовны он написал: «жена лекаря»...⁶

Писание же в «Будильниках», «Зрителях», «Осколках» научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!

Меня научили краткости стихи.

* * *

У Чехова в характере все было от матери. Одно наставительство от отца, взять хотя его некоторые письма к братьям.

Еще гимназистом он пишет младшему брату Мише по поводу того, что тот назвал себя «ничтожным и незаметным братишкой», когда Антоше было всего 17 лет, а Мише — 12:

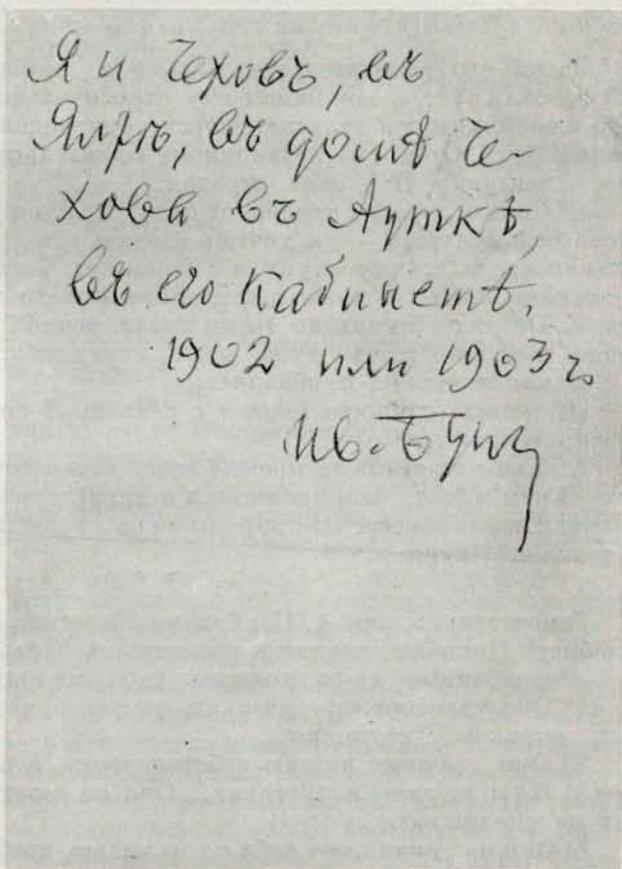
«Ничтожество свое сознаешь? Не всем, брат, Мишам надо быть одинаковыми. Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед богом, пожалуй, пред умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Ведь ты не мошенник, честный человек? Ну, и уважай в себе честного малого и знай, что честный малый не ничтожество. Не смешивай „смиряться“ с „сознавать свое ничтожество“»⁷.

* * *

Моим друзьям Елпатьевским Чехов не раз говорил:

— Я не грешен против четвертой заповеди...⁸

И действительно, еще гимназистом в письме от 29 июля 1877 года Антоша писал своему двоюродному брату М. М. Чехову, которого называли Чохов, прототип Печаткина в повести «Три года». (Это он, ударяя по воздуху рукой, говорил «кrome» и заказывал в трактире так: «Принеси мне главного мастера клеветы и злословия с пюре». Оторопелый половой, подумав, догадался и принес порцию языка с пюре. И в этом есть что-то чеховское): «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и короткий путь, в который они веруют и надеются так, как немногие»⁹.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА
ФОТОГРАФИИ, ИЗОБРА-
ЖАЮЩЕЙ ЧЕХОВА
и И. А. БУНИНА

Надпись И. А. Бунина:
«Я и Чехов, в Ялте, в доме
Чехова в Аутке в его
кабинете. 1902 или 1903 г.
Ив. Бунин»

* * *

С самых первых лет студенчества А. П. взял на свои плечи всю семью.

* * *

Со второго семестра первого курса он начал работать в юмористических журналах, куда его провел брат Александр, который еще в пору таганрогской жизни Антоши помещал его остроты в «Будильнике»¹⁰.

Чехов редкий писатель, который начинал, не думая, что он будет не только большим писателем, а даже просто писателем. А ведь 6 августа 1883 года он послал в «Осколки» «Дочь Альбиона», рассказ совсем не юмористический...

* * *

Писать же приходилось вот при каких условиях:

«Передо мной моя не литературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате кричит детиныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух „Запечатленного ангела“... Кто-то завел шкатулку, и я слышу „Елену Прекрасную“... Хочется удрать на дачу, но уже час ночи... Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно...»¹¹

И только с 1885 года, когда Чеховы переселились на Якиманку и А. П. стал врачом, у него оказалась отдельная комната, кабинет с камином.

Живость, работоспособность его поразительна, — ведь среди всех писаний он окончил самый трудный факультет.

* * *

Затем его замечательное письмо к старшему брату Александру от 20 февраля 83 г., где он пишет ему относительно его незаконного брака с его женой, которой тульская консистория после развода запретила вступать в брак. Отец к их незаконному сожителству относился отрицательно, Александр Павлович страдал.

«Не знаю, чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожителства — ты хочешь сделать его другом? С матерью и теткой можно проделать эту штуку, а с отцом нет. Он такой же кремьень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила. Он, как бы сладко ты ни писал, вечно будет вздыхать, писать тебе одно и то же, и, что хуже всего, страдать...».

В конце письма прибавляет:

«Я, каюсь, слишком нервен с семьей. Я вообще нервен. Груб, часто несправедлив...»¹²

А каким он стал: он прежде всего воспитывал себя, а потом уже своих. И как многие, кто вспоминал и характеризовал его, неправильно понимали его характер. От природы он был вспыльчив, как он пишет в одном письме к Книппер.

* * *

Замечательно, как А. П., будучи 26-летним врачом, объясняет в письме брату Николаю, что такое воспитание. (Письмо помечено мартом 1886.)

«Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

- 1) Они уважают человеческую личность, всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...
- 2) Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.
- 3) Не лгут даже в пустяках... Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...
- 4) Они не уничижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...
- 5) Они не суетны. Их не занимает рукопожатие пьяного Плевако.

6) Если имеют в себе талант, то уважают его... Они жертвуют для него всем. Они брезгливы.

7) Они воспитывают в себе эстетику... Им нужна от женщины не постель... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не <...>, а матерью...

Тут нужны непрерывные дневной и ночной труд, вечное чтение, штурдировка, воля... Тут дорог каждый час.

Брось я сейчас семью на произвол судьбы, я старался бы найти себе извинение в характере матери, в кровохарканье и проч.»¹³.

Да, это письмо интересно не только, как назидательное, но из него можно понять, как А. П. сам себя воспитывал, как он был строг к себе.

* * *

В ноябре 1884 года он с помощью Лейкина устроился корреспондентом «Из зала суда» от «Петербургской газеты» по «Скопинскому делу»¹⁴. Отчеты его были блестящи, с художественными характеристиками. Мнения независимы, например, Плевако ему не понравился¹⁵. Кончилось все печально — длительным кровохарканьем, к которому он отнесся легкомысленно, и в голову не пришло, что оно чахоточное¹⁶.

* * *

В 1885 году поездка в Петербург. До этого времени из настоящих писателей он был знаком только с Лесковым, которого любил и который в Москве в 1883 году, когда они возвращались вместе откуда-то, где много пили, его «помазал, как Самуил Давида»...¹⁷

Познакомился Чехов в Петербурге в этот приезд с Сувориным, Григоровичем и Бурениным¹⁸.

Вернувшись в Москву, он переменил квартиру, — она оказалась сырой, и он побоялся, что опять будет кровохарканье, снял напротив прежней на той же Якиманке, квартира находилась под помещением, которое кухмистер сдавал под свадьбы и поминки. А. П. писал:

«В обед — поминки, ночью — свадьбы... смерть и зачатие»¹⁹.

* * *

1886 года 15 февраля под подписью А. Чехов появился впервые рассказ «Панихида» в «Новом времени».

21 февраля — письмо от Суворина²⁰.

Лейкин решил издать книгу его произведений под заглавием «Пестрые рассказы» (я эту книгу прочел в поезде, не отрываясь, кушив ее в Ельце, на вокзале, в 16 лет, и пришел в восторг. Виньетку для нее нарисовал Шехтель, друг Николая Чехова, в будущем известный архитектор. Я был знаком с ним, встречался у Марьи Павловны в Москве. Милый, талантливый толстяк).

В конце марта Чехов получил письмо от Григоровича, заставившее его задуматься о себе, как о писателе²¹.

20 марта 86 года Антон Павлович ответил ему:

«...Если у меня есть дар, который следует уважать, то, каюсь перед чистотою вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным... Все мои близкие всегда относились снисходительно к моему авторству и не переставали дружески советовать мне не менять настоящее дело на бумагомаранье... Не помню я ни *одного* своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут заметки о пожарах... машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом...».

Кстати сказать, мне «Егеръ» не нравится, — нахожу его слабым рассказом.

Далее Чехов признается, что «писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал».

«Первое, что толкнуло меня к самокритике, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина. Я начал собираться написать что-нибудь путевое, но все-таки веры в собственную литературную путевость у меня не было»²².

Удивительный был человек! Удивительный писатель! — прибавлю я.

* * *

В том же 86 году 26 октября в «Новом времени» была напечатана его повесть «Тина». Чехов послал ее своей близкой знакомой М. В. Киселевой, владельнице Бабкина, где Чеховы проводили лето в 85, 86, 87 годах.

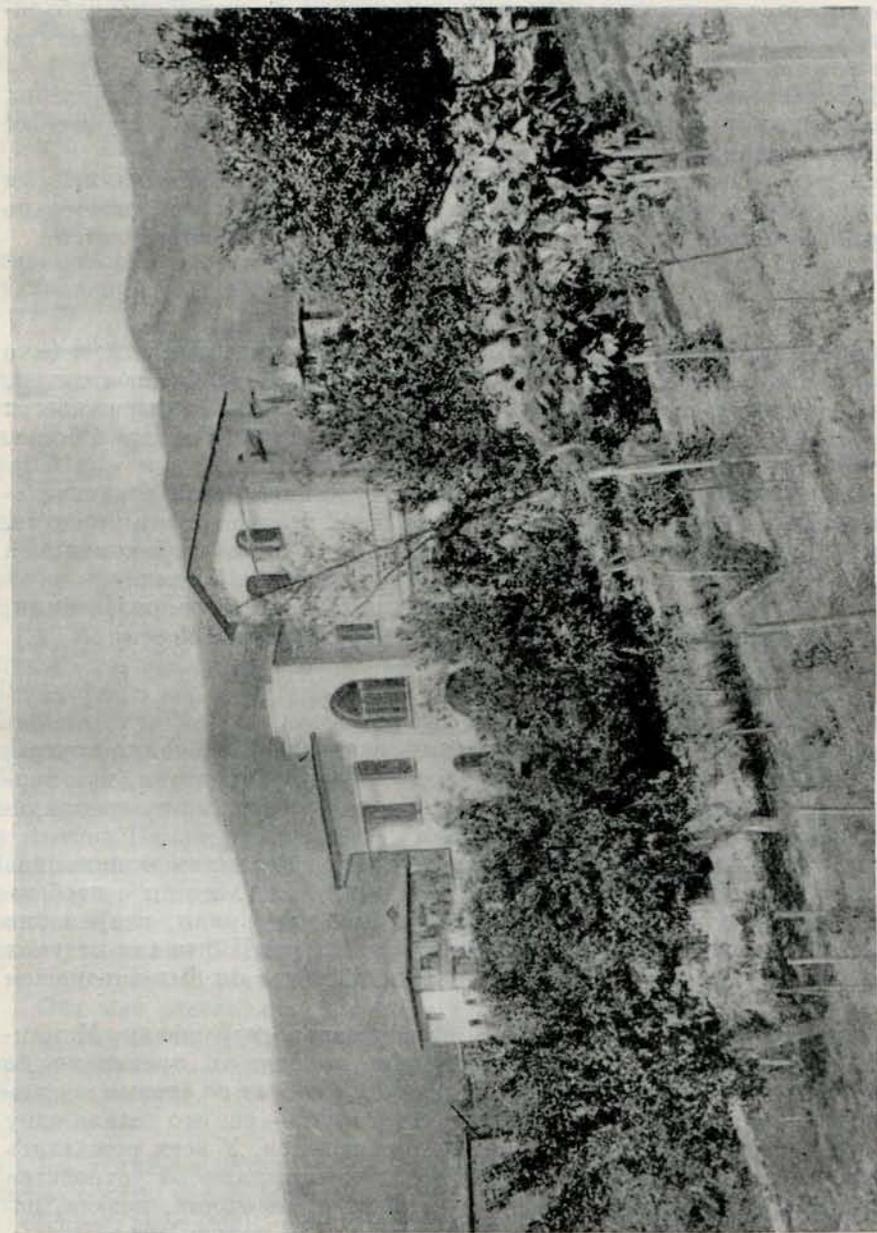
Ответ он получил в конце года, возмущенный. Письмо полно негодования:

«...Присланный вами фельетон мне совсем не нравится, хотя я убеждена, что к моему мнению присоединятся весьма и весьма немногие. Написан он хорошо, читающие мужчины пожалеют, что судьба не натолкнула их на подобную Сусанну, которая сумела бы распотешить их разнузданность, женщины втайне позавидуют ей, но большая часть публики прочтет с интересом и скажет: „Бойко пишет этот Чехов, молодец!“ Может быть, вас удовлетворяют 115 руб. и эти отзывы, но мне лично досадно, что писатель *вашего сорта* *, то есть не обделенный от бога, показывает мне только одну „навозную кучу“. Грязью, негодяями, негодяйками кишит мир, и впечатления, производимые ими, не новы, но зато с какой благодарностью относишься к тому писателю, который, проведя вас через всю вонь навозной кучи, вдруг вытащит оттуда жемчужное зерно, — зачем же тогда одна куча? Дайте мне зерно, чтобы в моей памяти ступевалась вся грязь обстановки, от вас я вправе требовать этого, а других, не умеющих отстоять и найти человека между четвероногими животными — я и читать не стану... Может быть, было бы лучше промолчать, но мне нестерпимо хотелось ругнуть вас и ваших мерзких редакторов, которые так равнодушно портят ваш талант. Будь я редактором, — я, для вашей же пользы, вырезала бы ваш этот фельетон... фельетон ваш все-таки препротивный. Предоставьте писать подобные (по содержанию!) разным нищим духом и обездоленным судьбою писакам: Окрейц, Альбову и тутти кванти бездарностям».

Только через три недели Чехов написал ответ:

«...У меня, и у вас, и у критиков всего мира нет никаких прочных данных, чтобы иметь право отрицать эту литературу. Я не знаю, кто прав: Гомер, Шекспир, Лопе де Вега, вообще древние, не боявшиеся рыться в „навозной куче“, но бывшие гораздо устойчивее нас в нравственном отношении, или же современные писатели, чопорные на бумаге, но холодно-циничные в душе и в жизни? Я не знаю, у кого плохой вкус: у греков ли, которые не стыдились воспевать любовь такую, какова она есть на самом деле в прекрасной природе, или же у читателей Габорио, Марлита, Пьера Бобо (П. Д. Боборькина. — И. Б.)? <...> Ссылка на Тургенева и Толстого, избегавших „навозную кучу“, не проясняет этого вопроса. Их брезгливость ничего не доказывает: ведь было же раньше них поколение писателей, считавшее грязью не только „негодяев с негодяйками“, но даже описание мужиков и чиновников ниже титулярного... Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую,

* Курсив здесь, как и в дальнейшем тексте, И. А. Бунина. — *Ред.*

ДОМ ЧЕХОВА В ЯЛТЕ
Фотография, около 1900 г.
Литературный музей, Москва

какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная. Суживать ее функции такую специальностью, как добывание „зерен“ так же для нее смертельно, как если бы вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы... Для химиков на земле нет ничего нечистого. Литератор должен быть так же объективен, как химик, он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые»²³.

А М. В. Киселева была писательницей, дом их был культурный, у них бывали и художники, и музыканты, и актеры. Чехов любил эту семью, и они были дружны.

Через пятьдесят лет, после выхода в свет моих «Темных аллей», я получал подобные письма от подобных же Киселевых и приблизительно некоторым из них отвечал так же. Действительно все повторяется.

III

Весною 1900 года, когда в Крыму играл Художественный театр, я тоже приехал в Ялту. Встретился тут с Маминим-Сибиряком, Станюковичем, Горьким, Телешовым, Куприным²⁴. Привезены были четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокие» Гауптмана и «Гедда Габлер» Ибсена. Спектакли шли сначала в Севастополе, потом в Ялте.

Все было оживлено, возбуждено, Чехов чувствовал себя сравнительно хорошо. Мы с утра отправлялись в городской театр, ходили по сцене, где шли усиленные приготовления к спектаклю, а затем всей компанией направлялись к Чехову, где проводили все свободное время.

Чехов в те дни увлекался «Одинокими», много об этом говорил, считал, что Художественный театр должен держаться подобных пьес.

* * *

Станиславский вспоминает об этих днях:

«Приезжали, уезжали. Кончался один завтрак, подавали другой, Марья Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна, как верная подруга или как будущая хозяйка дома, с засученными рукавами деятельно помогала по хозяйству.

В одном углу литературный спор, в саду, как школьники, занимались тем, кто дальше бросит камень, в третьей кучке И. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И. А. Бунин, когда он был в хорошем настроении».

«Горький со своими рассказами об его скитальческой жизни, Мамин-Сибиряк с необыкновенно смелым юмором, доходящим временами до буффонады, Бунин с изящной шуткой, Антон Павлович со своими неожиданными репликами, Москвин с меткими остротами — все это делало одну атмосферу, соединяло всех в одну семью художников. У всех рождалась мысль, что все должны собираться в Ялте, говорили даже об устройстве квартир для этого. Словом, весна, море, веселье, молодость, поэзия, искусство — вот атмосфера, в которой мы в то время находились»²⁵.

— Мало ли о чем мечтают русские люди, когда им хорошо, — прибавлю я.

* * *

И вот среди всего этого оживления подошел ко мне известный в Москве адвокат, Иван Николаевич Сахаров, один из тех, кто всегда вертится около актеров, писателей, художников, и сказал:

— Иван Алексеевич, уезжайте отсюда...

— Почему? — удивился я.

— Вам, конечно, очень тяжело здесь среди таких знаменитостей, как Горький, например...

— Нисколько, — сказал я сухо, — у меня иной путь, чем у Горького, буду академиком... и неизвестно, кто кого переживет...

Он с глупой улыбкой, пожав плечами, отошел. Я же продолжал бывать и в театре и у Чеховых.

Прощальный завтрак давала на широкой крыше дома Фанни Карловна Тагарина, пригласившая на него всех артистов, писателей и друзей театра. Было шумно, оживленно, многолюдно. Вот тут-то и поднялся разговор об устройстве квартир для таких приездов.

Начался разъезд. Уехал и я.

После избрания меня почетным академиком в 1909 году Сахаров, встретившись со мной в Литературном кружке, напомнил мне с нескрываемым удивлением наш разговор в Крыму...

* * *

В конце 1900 года я вернулся из заграничной поездки с Куровским²⁶ в Одессу и вскоре отправился в Ялту. Антона Павловича не было, он проводил зиму в Ницце. Марья Павловна пригласила меня жить у них «до возвращения Антоши»²⁷. Я согласился, некоторое время мы жили втроем, а потом я остался вдвоем с Евгенией Яковлевной.

Теперь я из письма Чехова к матери узнал, что Антон Павлович был доволен, что я гощу у них²⁸.

Жить в аутской даче мне было приятно. Пробовал писать, делал заметки о нашем с Куровским путешествии. Много читал. Подолгу вел разговоры с матерью Чехова.

С Марьей Павловной мы иногда откровенно беседовали. Она, добродушно хохоча, много рассказывала о Левитане, который называл ее Ма-Па, хорошо его изображала: он как-то пришепетывал. Рассказывала и о Бабкине, где Левитан тоже проводил свое летнее время, о его психических недомоганиях. Вот в эти-то дни она и сообщила мне об увлечении Антона Павловича Ликой. Теперь, когда для меня многое выяснилось²⁹, я понимаю, что никакого увлечения Ликой (Лидией Стахивной Мизиновой) у Антона Павловича не было. Она была влюблена в него. Он это видел. Ему же не нравился ее характер, о чем он писал сестре, писал, что у нее нет вкуса³⁰. При взаимной любви этого не бывает. А о том, что она была задета Чеховым, можно понять из ее письма, где она объясняет Чехову свое увлечение Потапенкой: «А причина этому вы»...³¹

Ездили мы с Марьей Павловной на водопад Учан-су, в Гурзуф.

Она мне рассказала, что из-за брата не вышла замуж.

— Когда мне было сделано предложение, — добавила Марья Павловна, — я сказала об этом Антоше. Он сдержанно поздравил меня, но по лицу я поняла, что ему тяжело... и отказала.

* * *

Да, в январе 1901 года я все еще жил у Чеховых. Сохранилась у меня даже запись тех времен:

Крым, зима 1901 года на даче Чехова.

Чайки, как картонные, как яичная скорлупа, как поплавки, возле клонящейся лодки. Пена, как шампанское.

Провалы в облаках — там какая-то дивная неземная страна. Скалы известково-серые, как птичий помет. Бакланы. Суук-Су. Кучукой. Шум внизу, солнечное поле в море, собака пустынно лает. Море серо-лиловое, зеркальное, очень высоко поднимающееся. Крупа, находят облака.

Красавица Березина (!)³².

* * *

31 января было первое представление «Трех сестер»³³, конечно, Марья Павловна и «мамаша», как мы все звали Евгению Яковлевну, очень волнуются. К Синани должна была придти телеграмма из театра. Их слуга Арсений посылается к Синани. Марья Павловна просит из города позвонить по телефону.

Минут через двадцать Арсений взволнованным голосом сообщает:
— Успех аграмадный...

Собрались гости: местная начальница гимназии В. К. Харкеевич, С. П. Бонье, Средины; конечно, выпили по этому случаю.

В начале февраля Марья Павловна уехала в Москву, а я остался до приезда Антона Павловича с мамашей, с которой у меня была большая дружба и которая мне много рассказывала об Антоше.

В каждом ее слове чувствовалось обожание.

* * *

В середине февраля, — как я теперь вижу по письмам, — Антон Павлович вернулся домой. Я переехал в гостиницу «Ялта», пережил очень неприятную ночь, — рядом в номере лежала покойница... Чехов, поняв, что я перечувствовал за эту ночь, слегка надо мной подшучивал...

Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, — оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший, — я почти на одиннадцать лет моложе его, — но в то же время никогда не давал чувствовать свое превосходство и всегда любил мое общество, — теперь я могу это сказать, так как это подтверждается его письмами к близким: «Бунин уехал — и я один...»³⁴

По утрам пили чудный кофе. Потом сидели в садике, где он всегда что-нибудь делал в цветнике или около плодовых деревьев. Шли разговоры о деревне, я представлял в лицах мужиков, помещиков, рассказывал о жизни своей в Полтаве, об увлечении толстовством, а он о жизни на Луке в имении Лиятваревых, оба мы восхищались Малороссией (тогда так называлась Украина). Мы оба бывали в Святогорском монастыре, в гоголевских местах³⁵.

Наедине со мной он часто смеялся своим заразительным смехом, любил шутить, выдумывать разные разности, нелепые прозвища; как только ему становилось лучше, он был неистощим на все это.

Иногда мы выдумывали вместе рассказы: то о захудалом чиновнике-деспоте, а то чувствительную повесть с героинями по имени Ирландия, Австралия, Невралгия, Истерия — все в таком роде, — блеска у него было много. Иногда я представлял пьяного. На карточке любительской, не помню кем снятой, — в его кабинете мы сидим — он в кресле, а я на ручке кресла, — у него смеющееся лицо, у меня злое, осовелое, — я изображаю пьяного.

Иногда я читал ему его старые рассказы. Он как раз готовил их к изданию, и я часто видел, как он перемарывал рассказ, чуть не заново его писал.

Как-то я выбрал и начал вслух читать его давнишний рассказ, написанный в 1886 году, «Ворона»³⁶.

Сначала Антон Павлович хмурился, но по мере того как развивалось действие, делался все благодуще, понемногу стал улыбаться, смеяться. Правда, пьяных я умел изображать.

Иногда мы сидели и молчали, просматривая газеты и журналы. Смеялись и над некоторыми рецензиями о его рассказах, а особенно о моих. Критики еще боялись высказывать обо мне мнение, старались найти, кому я подражаю. Случалось, что во мне находили «чеховское настроение». Оживляясь, даже волнуясь, он восклицал с мягкой горячностью:

— Ах, как это глупо! Ах, как глупо! И меня допекали «тургеневскими потоками». Мы похожи с вами, как борзая на гончую. Вы, например, гораздо

Е. Я. ЧЕХОВА

Акварель А. А. Хотяинцевой

Дом-музей Чехова, Ялта

резче меня. Вы вон пишете: «море пахнет арбузом»... Это чудесно, но я бы так не сказал. Вот про курсистку — другое дело...

— Про какую курсистку?

— А помните, мы с вами выдумывали рассказ: жара, степь за Харьковом, идет длиннейший поезд... А вы прибавили: курсистка в кожаном поясе стоит у окна вагона третьего класса и вытряхивает из чайника мокрый чай. Чай летит по ветру в лицо толстому господину, высунувшемуся из окна...

* * *

В другой раз в сумерках я читал ему «Гусева», дико хвалил его, считая, что «Гусев» первоклассно хорош, он был взволнован, молчал. Я еще раз про себя прочел последний абзац этого рассказа:

— «А наверху в это время, где заходит солнце, сучиваются облака;

одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы»... — как он любит облака сравнивать с предметами, — мелькнуло у меня в уме. — «Из-за облаков выходит зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погода рядом с этим ложится золотой, потом розовый... Небо становится нежно сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке назвать трудно».

— Увижу ли я когда-нибудь его? — подумал я. — Индийский океан привлекал меня с детства... — И неожиданно глухой тихий голос:

— Знаете, я женюсь...

И сразу стал шутить, что лучше жениться на немке, чем на русской, она аккуратнее, и ребенок не будет по дому ползать и бить в медный таз ложкой...

Я, конечно, уже знал о его романе с Ольгой Леонардовной Книппер, но не был уверен, что он окончится браком. Я был уже в приятельских отношениях с Ольгой Леонардовной и понимал, что она совершенно из другой среды, чем Чеховы. Понимал, что Марье Павловне нелегко будет, когда хозяйкой станет она. Правда, Ольга Леонардовна — актриса, едва ли оставит сцену, но все же многое должно измениться. Возникнут тяжелые отношения между сестрой и женой, и все это будет отзываться на здоровье Антона Павловича, который, конечно, как в таких случаях бывает, будет остро страдать то за ту, то за другую, а то и за обеих вместе. И я подумал: да это самоубийство! хуже Сахалина, — но промолчал, конечно.

* * *

За обедом и ужином он ел мало, почти всегда вставал из-за стола и ходил взад и вперед по столовой, останавливаясь около гостя и усиленно его угощая и все с шуткой, с метким словом. Останавливался и около матери и, взяв вилку и ножик, начинал мелко-мелко резать мясо, всегда с улыбкой и молча.

Постепенно я все более и более узнавал его жизнь, начал отдавать отчет, какой у него был разнообразный жизненный опыт, сравнивал его со своим и стал понимать, что я перед ним мальчишка, щенок... Ведь до тридцати лет написаны «Скучная история», «Тиф» и другие, поражающие житейским опытом его произведения.

Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость.

Никогда не видал его в халате, всегда он был одет аккуратно и чисто. У него была педантическая любовь к порядку — наследственная, как настойчивость, такая же наследственная, как и наставительность.

* * *

По берегам Черного моря работало много турок, кавказцев. Зная то недоброжелательство, смешанное с презрением, какое есть у нас к инородцам, он не упускал случая с восхищением сказать, какой это трудолюбивый, честный народ.

* * *

Он мало ел, мало спал, очень любил порядок. В комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на девичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малейшей поблажки не давал он себе в одежде.

Руки у него были большие, сухие, приятные.

* * *

Точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, книжное действовало на него резко: сам он говорил прекрасно — всегда по-своему, ясно, правильно. Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

* * *

Случалось, что собирались у него люди самых различных рангов: со всеми он был одинаков, никому не оказывал предпочтения, никого не заставлял страдать от самолюбия, чувствовать себя забытым, лишним.

* * *

Помню его молчание, покашливание, прикрывание глаз, думу на лице, спокойную и печальную, почти важную. Только не «грусть», не «теплоту».

Крымский зимний день, серый, прохладный, сонные густые облака на Яйле. В чеховском доме тихо, мерный стук будильника из комнаты Евгении Яковлевны. Он, без пенсне, сидит в кабинете за письменным столом, не спеша, аккуратно записывает что-то. Потом встает, надевает пальто, пиляцу, кожаные мелкие калоши, уходит куда-то, где стоит мышеловка. Возвращается, держа за кончик хвоста живую мышь, выходит на крыльцо, медленно проходит сад вплоть до ограды, за которой татарское кладбище на каменистом бугре. Осторожно бросает туда мышь и, внимательно оглядывая молодые деревья, идет к скамеечке среди сада. За ним бежит журавль, две собачонки. Сев, он осторожно играет тросточкой с одной из них, упавшей у его ног на спину, усмежается: блохи ползут по розовому брюшку... Потом, прислонясь к скамье, смотрит вдаль, на Яйлу, подняв лицо, что-то думая. Сидит так час, полтора.

* * *

В письме к О. Л. Книппер от 20 февраля он пишет: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день». А 23 февраля ей же: «Был Бунин здесь, теперь он уехал — и я один»³⁷.

После моего отъезда мы изредка переписывались. В письме от 14 марта он возмущается «Скорпионом»: «От „Скорпиона“ получил корректуру, но в крайне неряшливом виде, с одной копеечной маркой, так что пришлось штраф платить; публикует „Скорпион“ о своей книге тоже неряшливо, выставяя меня первым — и я, прочитав это объявление в „Русских ведомостях“, дал себе клятву больше уж никогда не ведаться ни со скорпионами, ни с крокодилами, ни с ужами».

А когда мы увидимся? После Пасхи, вероятно, приеду в Москву ненадолго, остановлюсь в „Дрездене“³⁸.

Я получил от 25 марта 1901 года письмо от Антона Павловича, где он просит, чтобы скульптор Эдварс, мой приятель, который хотел его лепить, отложил сеансы до сентября.

«Идет дождь. Чудесный дождь. Бабушка и Арсений благодарят за поклон и за память о них, а мать была растрогана»³⁹.

Неожиданно для него приехала на Страстной Ольга Леонардовна⁴⁰. Приехал и я. Чехов в эти дни был особенно оживлен, чувствовал он себя хорошо. Был в Ялте и Куприн.

Чехов и при Ольге Леонардовне настаивал, чтобы я проводил все дни у него.

Часто я уезжал поздно вечером, и он говорил:

— Приезжайте завтра пораньше.

Он на некоторых буквах шепелявил, голос у него был глуховатый, и часто говорил он без оттенков, как бы бормоча: трудно было иногда понять, серьезно ли говорит он. И я порой отказывался. Он сбрасывал пенсне, прикладывая руки к сердцу с едва уловимой улыбкой на бледных губах, раздельно повторял:

— Ну, убедительно вас прошу, господин маркиз Букишон! Если вам будет скучно со старым забытым писателем, посидите с Машей, с мамашей, которая влюблена в вас, с венгеркой Книппиц... Будем говорить о литературе...

После отъезда Ольги Леонардовны мы втроем, Марья Павловна, Антон Павлович и я, поехали в Суук-Су, где очень весело затракали, я тоже хотел платить, но Чехов сказал, что мы рассчитаемся дома, — он подает счет; и подал шуточный:

Счет господину Букишону (французскому депутату и маркизу). Израсходовано на вас:

1 переднее место у извозчика	5 р.
5 бычков а ла фам о натюрель	1 р. 50 к.
1 бутылка вина экстра сек	2 р. 75 к.
4 рюмки водки	1 р. 20 к.
1 филей	2 р.
2 шашлыка из барашка	2 р.
2 барашка	2 р.
Салат тирбушон	1 р.
Кофей	2 р.
Прочее	11 р.
	Итого 27 р. 75 к.

С почтением Антон и Марья Чеховы, домовладельцы.

Букишоном он стал называть меня потому, что в какой-то газете он увидал портрет какого-то маркиза, который был на меня похож.

* * *

20 апреля я получил от него укоризненное письмо:

«Новый рассказ

А. П. Чехова

Северные цветы

Альманах к-ва „Скорпион“. Ц. 1 р. 50 к.»

Во-первых, я никогда не писал рассказа «Северные цветы», а во-вторых, зачем вы ввели меня в эту компанию, милый Иван Алексеевич? Зачем? Зачем?

Ваш А. Чехов⁴¹

20 апр.

* * *

В письме от 22 апреля он пишет Книппер уже о венчании, а в конце: «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Художественного театра 4-актный водевиль или комедию. И я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше конца 1903 года» («Вишневым сад» — никогда он не думал о нем как о драме...) ⁴²

В письме к Книппер от 26 апреля 1901 года он пишет:

«Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, — то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться. Из церкви укатить бы не домой, а прямо в Звенигород. Или повенчаться в Звенигороде...»⁴³

Как я его понимаю!

* * *

В Москве обратился к доктору Щуровскому. Его диагноз: «Притупление и слева и справа, справа большой кусок под лопаткой,... немедленно ехать на кумыс в Уфимскую губ., если же кумыса я не буду переносить, то — в Швейцарию»⁴⁴.

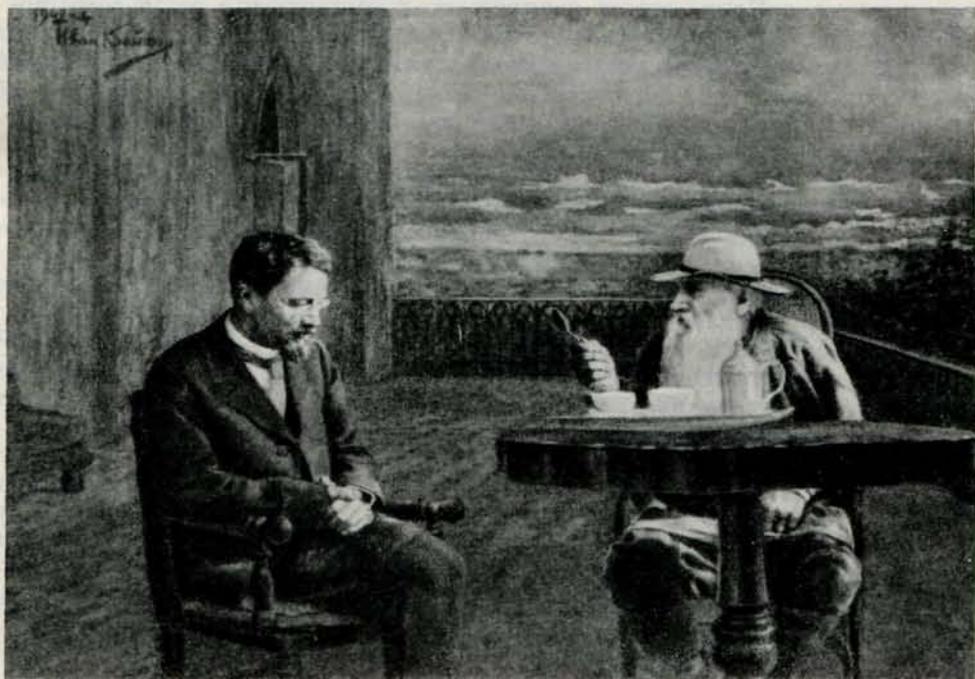
* * *

25 мая Антон Павлович послал извещение матери: «Милая мама, благословите, женюсь... Уезжаю на кумыс. Адрес: Аксеново, Самаро-Златоустовской. Здоровье лучше. А н т о н»⁴⁵.

Венчание произошло тайно от всех; кто были свидетелями, я не знаю⁴⁶.

* * *

30 июня я получил письмо от Антона Павловича, в котором он просит написать поздравление с законным браком уже в Ялту. «Вы уезжаете в Одессу? Не забывайте, что от Одессы до Ялты рукой подать, приехать нетрудно». В этом письме он подписался: «Аутский мещанин»⁴⁷.

ЧЕХОВ И ТОЛСТОЙ

Рисунок И. К. Крайтора, 1902—1904 гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

Воспроизводится с фотографии

* * *

В Аксенове чувствовал он себя сносно, прибавил 12 фунтов, а в Ялте начал кашлять. Как сократил жизнь себе Антон Павлович, живя у моря!.. Если проследить по письмам его здоровье, то увидишь, что ему почти всегда в Ялте было хуже, чем где-либо. И ни один врач не посылал его в снег, в Швейцарию! Только Щуровский условно, если «не поможет кумыс»...

Получил я письмо от Антона Павловича в Одессе, в августе: — ответы на мои вопросы. Узнал, что Книппер уезжает в Москву 20 августа, Марья Павловна — 1 сентября.

Сообщает, что много пишет, по целым дням, и просит, чтобы художник Нилус отложил писать с него портрет до будущего года.

Далее путит: «...буду ожидать вашего приезда с нетерпением. Буду (с первого сентября) день и ночь сидеть на пристани и ожидать парохода с вами. Очень возможно, что в Ялту приедет Горький.

...Не обманите же, приезжайте. Поживем в Ялте, а потом вместе в Москву поедем, буде пожелаете»⁴⁸.

Я уже 5 сентября обедал у Чехова с каким-то прокурором. Антона Павловича нашел в плохом состоянии.

* * *

9 сентября Антон Павлович пишет жене: «Теперь я здоров... Ходит ко мне каждый день Бунин»⁴⁹.

И опять начались бесконечные разговоры. Когда я приехал, он чувствовал себя весьма нехорошо.

Много рассказывал Антон Павлович о кумысе, где он поправился, а вернувшись в Ялту, «опять захирел, стал кашлять и в июле даже поплевывал кровью», восторгался степью, лошадьми, туземцами; только уж очень была серая публика и никаких удобств! Вкус кумыса похож на квас и непротивный, но, конечно, надоедает.

Через несколько дней ему стало лучше. Он в сентябре решил ехать в Москву, вероятно, уже скучал без жены.

Читал он в эти дни свои старые рассказы, некоторые почти писал заново, так, по его мнению, они были слабы:

До моего приезда в Ялте жили Дорошевич, умом которого восхищался Чехов, и артист Орленев, которого он считал талантливым, но беспутным; последнего я застал⁵⁰.

Жаловался на газету «Курьер»: «Чуть не в каждом номере пишет про меня всякое вранье и пошлости...»

Ему хотелось поехать в Москву до репетиций «Трех сестер», чтобы сделать некоторые указания и, может быть, изменения.

Как я теперь узнал из письма к Книппер, Чехов обо мне ей на другой день моего приезда писал: «Бунин жизнерадостен»...⁵¹ На меня почти всегда Антон Павлович действовал возбуждающе.

* * *

Собрались тогда мы было поехать в Гурзуф, да пришлось отменить: Чехов должен был ехать к Льву Николаевичу Толстому.

Конечно, по его возвращении я уже был у него в Аутке и с жадностью слушал рассказы о Толстом. Как всегда, он восхищался ясностью его головы и тут сказал: «Знаете, что меня особенно восхищает в нем, это его презрение к нам как писателям. Иногда он хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Почему? Потому что он смотрит на нас как на детей. Наши рассказы, повести и романы для него детская игра, поэтому-то он в один мешок укладывает Мопассана с Семеновым. Другое дело Шекспир: это уже взрослый, его раздражающий, ибо он пишет не по-толстовски...»

* * *

А мне Илья Львович Толстой говорил в 1912 году, что у них в доме на писателей смотрели «вот как», и он нагибался и держал руку на высоте низа дивана, и когда он мне это рассказывал, я вспомнил эти слова Чехова.

* * *

Мне все кажется, что несмотря на то, что Чехов стоял в литературе уже высоко, занимая свое особое место, он все же не отдавал себе отчета в своей ценности.

* * *

15 сентября он уехал в Москву. Чеховы поселились на Спиридоновке в доме Бойцова, во флигеле. Я у них бывал.

В Москве он прожил с 17 сентября до 26 октября.

Он бывал на репетициях своей пьесы «Три сестры». Остался доволен.

В этот сезон шли разговоры о постройке нового театра, в Каретном ряду. Художественному театру было уже неудобно и тесно. Но еще ни к чему определенному не пришли ⁵².

В октябре здоровье его стало хуже. Почему его не отправили в швейцарскую санаторию?

Вернувшись в Ялту, он жил с матерью, по целым дням читал корректуру.

* * *

5 декабря Чехов пишет А. Н. Веселовскому:

«Имею честь предложить на имеющиеся вакансии почетных академиков следующих кандидатов: Михайловский Николай Константинович, Мережковский Дмитрий Сергеевич, Спасович Владимир Данилович, Вейнберг Петр Исаевич» ⁵³.

* * *

В это же время Горький получил разрешение жить в Крыму. Чехов жене сообщает: «Дача у него на хорошем месте... но в доме суета сует, дети, старухи, обстановка не писательская».

Пишет, что читал конец повести Горького «Трое»: «Что-то удивительно дикое. Если бы написал это не Горький, то никто бы читать не стал...» ⁵⁴

Ольга Леонардовна пообещала, что приедет на рождество в Ялту, Чехов очень обрадовался, но это ей не удалось, и он стал нервничать: «Одни доктора говорят, что мне нужно в Москву, а другие, что совсем нельзя, а оставаться здесь я не могу!»

10 декабря началось опять кровохарканье и продолжалось несколько дней. Антона Павловича уложили в постель. Конечно, Евгении Яковлевне трудно было вести дом и ухаживать за больным, да он и не допускал мать до ухода за собой. Отчасти это кровохарканье произошло из-за волнений за Толстого, который прибыл к дочери в Ялту и заболел.

Слава богу, на рождество приехала к брату Марья Павловна, и уход за ним стал настоящий, как и еда, — она была прекрасная хозяйка.

* * *

15 января 1902 г. я получил от Антона Павловича письмо. Поздравление с Новым годом и пожелания: «Прославиться на весь мир, сойтись с самой хорошенькой женщиной и выиграть 200 тысяч рублей по всем трем займам», а у меня и одного не было... Сообщает, что он хворал месяца полтора. Затем:

...«Писал ли я вам насчет „Сосен“?.. — это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона.

Итак, будем ждать вас!! Приезжайте поскорее; буду рад очень»⁵⁶.

В январе во время болезни Толстого Антон Павлович за жизнь Льва Николаевича очень боялся. Лечил Толстого Альтшуллер и держал Чехова в курсе его болезни.

7 февраля Толстому было особенно тяжело, плохо работало сердце. Чехов волнуется: «не выживет»⁵⁶.

В это время на короткий срок, чуть ли на два-три дня, Ольга Леонардовна приезжала в Ялту на первой неделе поста, на второй неделе Художественный театр уже должен был играть в Петербурге — «Три сестры», «В мечтах», «Мещане»...⁵⁷.

* * *

Волновался в эти дни Антон Павлович еще потому, что Горького не утвердили академиком. Он запрашивал Кондакова, Короленко, хотя как можно было возмущаться тем, что не утвердили выбранного в почетные академики Горького, который находился под судом! Чехов, вероятно, не знал регламента, не знал, например, что всякий почетный академик мог, приехав в какой угодно город, потребовать в какое угодно время — для пользы просвещения — зал для лекции — и без всякой цензуры. Можно себе представить, как бы стал пользоваться этим правом Горький?.. Ведь Куприна не избрали в почетные академики, несмотря на то, что несколько раз поднимался этот вопрос, только потому, что он под влиянием вина мог злоупотреблять где-нибудь в провинции этим правом <...>

Нужно отметить, что Чехов, когда посылал А. Н. Веселовскому список своих кандидатов, Горького не выставил, будучи человеком умным и трезвым. Но, когда его не утвердили, заволновался... Такое уже было время! А мотивировка отказа Антона Павловича от звания почетного академика слабая:

«В газетах было напечатано, что, ввиду привлечения Пешкова к дознанию по ст. 1035, выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я почетный академик, то это извещение исходило и от меня. Я поздравил сердечно, и я же признал выборы недействительными, — такое противоречие не укладывается в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог».

Эту просьбу о снятии с него звания почетного академика Чехов послал А. Н. Веселовскому 25 августа 1902 года⁵⁸. Он волновался несколько месяцев, переписывался и с Кондаковым, и с Короленко, который тоже «просил снять с него звание почетного академика»⁵⁹.

* * *

Весною я приехал в Ялту. Толстому стало лучше, и как-то при мне Чехов собирался его навестить. Волновался сильно: менял брюки и, хотя все время шутил, но все же с трудом подавлял свое волнение.

— Боюсь Толстого. Ведь подумайте, ведь это он написал, что Анна сама чувствовала, видела, как у нее блестят глаза в темноте. Серьезно, я его боюсь, — говорил он, смеясь и как бы радуясь этой боязни.

И чуть не час решал, в каких штанах поехать к Толстому. Сбросил пенсне, помолодел и, мешая по своему обыкновению шутку с серьезным, все выходил из спальни то в одних, то в других штанах:

— Нет, эти неприлично узки!! Подумает: щелкопер!

И шел надевать другие и опять выходил, смеясь:

— А эти шириною с Черное море! Подумает: нахал!

* * *

Вернувшись, он сказал:

— Знаете, это какое-то чудо, нечто невероятное! Лежит в постели старик, телесно вполне едва живой, краше в гроб кладут, а умственно не только гениальный, сверхгениальный!

Говорить о литературе было нашим любимым делом: без конца Антон Павлович восхищался Мопассаном, Флобером, Толстым, «Таманью» Лермонтова.

— Вот умрет Толстой, все пойдет к черту! — повторял он не раз.

— Литература?

— И литература.

ВИШНЕВЫЙ САД

Анварель А. А. Хотянищевой

Дом-музей Чехова, Ялта

Но тут он ошибался, литература уже начала идти «прахом» и при жизни Толстого.

* * *

К концу марта приехал из Москвы Телешов, а из Одессы прибыл Нилус, который начал писать портрет Антона Павловича. Чехов был в хорошем настроении, ожидая приезда из Петербурга Ольги Леонардовны.

Я привез «Дети Ванюшина»⁶⁰.

— Единственный настоящий драматург, — говорил Чехов.

* * *

Он часто говорил:

— Какие мы драматурги! Единственный настоящий драматург — Найденов; прирожденный драматург, с самой что ни на есть драматической пружинкой внутри. Он должен теперь еще десять пьес написать и девять раз провалиться, а на десятый опять такой успех, что только ахнешь!

И помолчав, вдруг заливался радостным смехом:

— Знаете, я недавно у Толстого в Гаспре был. Он еще в постели лежал, но много говорил обо всем и обо мне, между прочим. Наконец, я встаю, прощаюсь. Он задерживает мою руку, говорит: «Поцелуйте меня», и, поцеловав, вдруг быстро суется к моему уху и этаким энергичной старческой скороговоркой: «А все-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже!»

* * *

По вечерам иногда собирались к ужину гости: Телешов, Горький, Нилус, после ужина заходил Елпатьевский, и меня упрашивали иногда прочесть тот или другой рассказ Чехова. Об этом вспоминает Телешов: «Антон Павлович сначала хмурился, неловко ему казалось слушать свое же сочинение, потом стал невольно улыбаться, а потом, по мере развития рассказа, буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться»⁶¹.

Прослушав как-то свой «осколочный» рассказ, Антон Павлович сказал: — Вам хорошо теперь писать рассказы, все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали... Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...

Всех нас радовало, что Толстой выздоравливал. Словом, настроение было самое хорошее. И вдруг пришла телеграмма, что в Петербурге заболела Ольга Леонардовна⁶².

Ежедневные телеграммы. Пять дней ожидания ее прибытия, и наконец в первый день пасхи, 10 апреля, ее на руках перенесли с парохода на дачу с температурой 39 градусов под мышкой.

Конечно, Нилусу пришлось бросить портрет, и скоро мы все разъехались.

* * *

В письме от 4 мая Антон Павлович сообщает мне, что жена поправляется и что после 20 мая они приедут в Москву⁶³.

В Москве же под Троицу — новая болезнь Ольги Леонардовны, осложнившаяся перитонитом, которая чуть не кончилась операцией. Чехов измучился и душевно и физически. Чтобы отдохнуть, 17 июня он с С. Т. Морозовым отправляется в его имение на Урал до 5 июля, а Ольга Леонардовна осталась с матерью.

* * *

Очень интересный разговор произошел в имени Морозова⁶⁴ между Чеховым и Серебровым (Тихоновым). Тихонов в то время был студентом Горного института и работал, как тогда говорилось, на практике.

У меня бывало чувство, что, когда я передавал некоторые мнения и суждения Чехова, то многие думали, что я приписываю ему свое, поэтому мне было очень приятно прочесть воспоминания Сереброва, которые подтверждают то, что и мне много раз высказывал Антон Павлович. На Урале он, вероятно, был слишком откровенен потому, что это было перед сильным горловым кровотечением.

«Вечером Чехов пригласил меня пить чай на террасу, — рассказывает Серебров. — Речь зашла о Горьком. Тема была легкая. Я знал, что Чехов любит и ценит Горького, и не поспешил на похвалы автору „Буревестника“.

— Извините... Я не понимаю... — оборвал меня Чехов с неприятной вежливостью человека, которому наступили на ногу. — Вот вам всем нравятся его „Буревестник“ и „Песнь о соколе“... Я знаю, вы мне скажете — политика! Но какая же это политика? „Вперед без страха и сомненья!“ — это еще не политика. А куда вперед — неизвестно?! Если ты зовешь

вперед, надо указать цель, дорогу, средства. Одним „безумством храбрых“ в политике никогда и ничего еще не делалось.

От изумления я обжегся глотком чая.

— „Море смеялось“, — продолжал Чехов, нервно покручивая шнурок от пенсне. — Вы конечно, в восторге!.. Вот вы прочитали — „море смеялось“ и остановились. Вы думаете, остановились потому, что это хорошо, художественно. Да нет же! Вы остановились просто потому, что сразу не поняли, как это так: море — и вдруг смеется?.. Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит... птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота...

— Вот вы сослались на „Фому Гордеева“, — продолжал он, сжимая около глаз гусиные лапки морщин. — И опять неудачно! Он весь по прямой линии, на одном герое построен... И все персонажи говорят одинаково на «о»... Романы умели писать только дворяне. Нашему брату — мещанам, разнолюду — роман уже не под силу... Вот скворешники строить, на это мы горазды. Недавно я видел один такой: трехэтажный, двенадцать окошечек!.. Чтобы строить роман, необходимо хорошо знать закон симметрии и равновесия масс. Роман — это целый дворец, и надо, чтобы читатель чувствовал себя в нем свободно, не удивлялся бы и не скучал, как в музее. Иногда надо дать читателю отдохнуть и от героя, и от автора. Для этого годится пейзаж, что-нибудь смешное, новая завязка, новые лица... Сколько раз я говорил об этом Горькому, не слушает... Гордый он — а не Горький!..

С Горьким мне явно не повезло. Я попробовал отыгаться на Художественном театре.

— Ничего — театр, как театр, — опять погасил мои восторги Чехов. — По крайней мере актеры роли знают. А Москвин — даже талантливый. В других театрах и этого нет. Я помню, в Александринском театре ставили мою „Чайку“. Под суфлера! Боже мой, что только они там говорили!..

Как утопающий за соломинку, я ухватился за „декадентов“, которых считал „новым течением в литературе“.

— Никаких декадентов нет и не было, — безжалостно доканал меня Чехов. — Откуда вы их взяли?.. Во Франции — Мопассан, а у нас — я стали писать маленькие рассказы, вот и все новое направление в литературе... Жулики они, а не декаденты! Гнилым товаром торгуют... Религия, мистика и всякая чертовщина!.. Это всё они нарочно придумали... Вы им не верьте. И ноги у них вовсе не „бледные“, а такие же как у всех волосатые...

— Ну какой же Леонид Андреев писатель? Это просто помощник присяжного поверенного, которые все ужасно как любят красиво говорить...

— Студенты бунтуют, чтобы прослыть героями и легче ухаживать за барышнями...».

* * *

«— До чего мы ленивый народ... Даже природу заразили ленью. Вы поглядите только на эту речку, до чего же ей лень двигаться! Вон она какие колена загибает, а все от лени. И вся наша пресловутая „психология“, вся эта достоевщина, тоже ведь от этого. Лень работать, ну вот и выдумываем».

* * *

Опять за чаем на террасе:

«— Вот меня часто упрекают, даже Толстой упрекал, что я пишу о мелочах, что нет у меня положительных героев: революционеров,

Александров Македонских или, хотя бы как у Лескова, просто честных исправников... А где их взять?..

— Жизнь у нас провинциальная, города немощные, деревни бедные, народ поношенный... все мы в молодости восторженно чирикаем, ... а к сорока годам — уже старики и начинаем думать о смерти... Какие мы герои!..

— Вот вы говорите, что плакали на моих пьесах... Да и не вы один... А ведь я не для этого их написал, это их Алексеев сделал такими плаксивыми. Я хотел другое... Я хотел только честно сказать людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живете!..» Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... Я ее не увижу, но я знаю, она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть... А пока ее нет, я опять и опять буду говорить людям: «Поймите же, как вы плохо и скучно живете!» Над чем же тут плакать?.. — И, вставая со стула, грустно закончил: — ...Пойдемте спать... Гроза будет...»⁶⁵.

А во время грозы у него потекла горлом кровь.

* * *

По возвращении они с Ольгой Леонардовной поселились в Любимовке по Ярославской железной дороге, в усадьбе матери Станиславского, Е. И. Алексеевой. (Она предоставила им флигель.) Любимовка лежала на Клязьме, где Чехов удил рыбу. Прожили они вместе до середины июля, затем он один уехал в Ялту. Вероятно, за время болезни у Ольги Леонардовны расстроились нервы, она скучала и в письмах к мужу стала его упрекать, что он не взял ее с собой, упрекала и его родных.

Он отвечает: «Ты сердита на меня, а за что — никак не пойму. За то, что я уехал от тебя? Но ведь я с тобой прожил с самой Пасхи... и не уехал бы, если бы не дела и не кровохарканье»⁶⁶.

* * *

От 11 сентября я получил от него коротенькое письмецо: упрек, что я не послал ему своих «Новых стихотворений», которые были изданы А. А. Карзинкиным — большим любителем поэзии и моим другом — в старинном стиле⁶⁷.

* * *

В середине октября 1902 года Чехов приехал в Москву и чуть ли не в первый день написал записочку Найденову, прося его известить меня, что он здесь⁶⁸.

Конечно, на следующий день я был у него. В письме от 18 октября он пишет Куприну, что виделся с Буниным и что тот «в меланхолическом настроении, собирается за границу»⁶⁹.

А 26 октября я получил от него открытку: «Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!» без подписи⁷⁰.

* * *

Из Москвы Антон Павлович уехал в конце ноября. В Ялте в это время выпал снег...

В письме от 20 декабря он пишет жене: «Думал о том, что тебе нужен сынишка, который занимал бы тебя, наполнял бы твою жизнь. Сынишка или дочка будет у тебя, родная, поверь мне, нужно только подождать, прийти после болезни в норму. Я не лгу тебе, не скрываю ни одной капли из того, что говорят доктора, честное слово»⁷¹.

Я же в это время жил еще в Москве, бывал запросто у Ольги Леонардовны и иногда заставлял ее в слезах, — ей было тяжело, хотя она и не жаловалась.

* * *

В письме от 27 декабря Чехов сообщает ей из Ялты: «Ждем Бунина и Найденова, которые, по газетным известиям, уехали в Константинополь»...⁷² Последнее было вранье.

В письме от 1 января 1903 года Антон Павлович извещает жену, что «Бунин и Найденов теперь герои в Одессе. Их там на руках носят» (мы жили в это время с Найденовым в «Крымской гостинице») ⁷³.

Гославскому же пишет: «На днях в Ялте будет Бунин» (из Одессы я собирался поехать в Крым). «Я поговорю с ним и, если он посвятит меня в тайны „Знания“, то я тотчас же напишу Горькому или Пятницкому, не медля...» ⁷⁴.

13 января в день отъезда Марьи Павловны он почувствовал себя плохо. ...А в Ялте был туман, погода как раз для туберкулезного.

5 февраля Шаповалов привез Чехову от Станиславского «орден» «Чайки» (такой же самый я получил от Художественного театра вместе с адресом на свой двадцатипятилетний юбилей. Его у меня украли вместе со всеми ценными вещами во время нашего пребывания в Софии в 1920 году, после бегства из Одессы).

16 февраля он в письме к жене удивляется: «Бунин почему-то в Новочеркаске?» ⁷⁵ А я там был у матери, жившей тогда у моей сестры Марьи Алексеевны Ласкаржевской.

Из Новочеркасска я отправился в Ялту.

Вот в этот-то приезд Чехов шутя приставал ко мне, что именно напишу я о нем в своих воспоминаниях. Я иногда отбрехивался, что это он будет писать обо мне, но он уверял, что я проживу до ста лет, что я «здоровенный» мужчина, и все в таком роде. Наконец, я сказал:

— Я напишу прежде всего, как и почему я познакомился с вами в Москве. Это было в 95 году, в декабре. Я не знал, что вы приехали в Москву. И вот, сидим мы однажды с одним поэтом в Большом Московском, пьем красное вино, слушаем машину, а поэт все читает свои стихи, все больше и больше собой восторгаясь. Вышли мы очень поздно, и поэт был уже так возбужден, что и на лестнице продолжал читать. Так, читая, он стал свое пальто на вешалке искать. Швейцар ему нежно: «Позвольте, господин, я сам найду...» «Как, негодяй? Значит я чужое пальто беру?» — «Так точно, чужое-с». — «Молчать, негодяй, это мое пальто!» — «Да нет же, господин, это не ваше пальто!» — «Тогда говори сию же минуту, чье?» — «Антон Павлович Чехова». — «Врешь, я убью тебя за эту ложь на месте!» — «Есть на то воля ваша, только это пальто Антона Павловича Чехова». — «Так, значит, он здесь?» — «Всегда у нас останавливаются...» И вот мы чуть не кинулись к вам знакомиться в три часа ночи. Но, к счастью, удержались и пришли на другой день, и на первый раз не застали — видели только ваш номер, который убирала горничная, и вашу рукопись на столе. Это было начало «Бабьего царства» ⁷⁶.

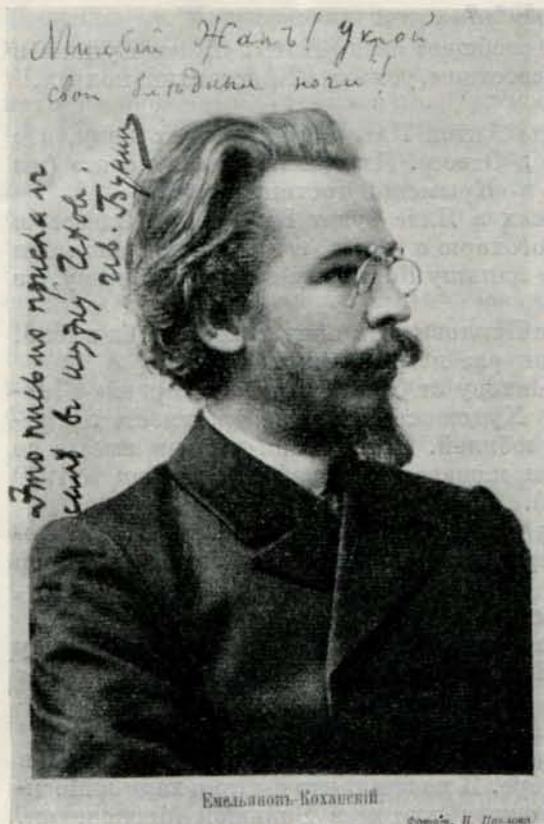
— Кто этот поэт, догадываюсь, Бальмонт, конечно. А откуда вы узнали, какая именно рукопись лежала у меня на столе? Значит, подсмотрели?

— Простите, дорогой, не удержались.

— А жалко, что вы не зашли ночью. Это очень хорошо — закатиться куда-нибудь ночью, внезапно. Я люблю рестораны.

* * *

Да, это правда, рестораны он любил. Всех друзей звал всегда или пообедать, или поужинать. И ему доставляло удовольствие их угощать. Нравилось ему мое понимание в винах, любовь к закускам и к тонким блюдам, это ценила во мне и Евгения Яковлевна, которая была большая мастерица в кулинарном искусстве и тоже очень любила угощать.

Емельянов-Коханов

Фот. И. Писова

ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО ЧЕХОВА
к И. А. БУНИНУ от 26 ОКТЯБРЯ
1902 г.

Слева рукою И. А. Бунина: «Это
письмо прислал мне в шутку Чехов.
Ив. Бунин»

Написано на открытке с портретом
писателя Емельянова-Коханского.

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Ни с одним писателем я не был в таких отношениях: мог часами, сидя вместе в кабинете, молчать, а с Чеховым мы иногда проводили так целые утра.

Иногда мне казалось, что все-таки я мешаю ему, и вечером при прощанье, выдумывал, что мне утром нужно куда-то, в этом случае он трогательно настойчиво начинал приглашать и шутя говорил: если вам не скучно со старым писателем...

В этот приезд я уже останавливался в лучшей гостинице в Ялте, в «России». И он туда как-то вечером позвонил и сказал, чтобы я нанял извозчика и приехал за ним, чтобы ехать кататься. Я стал отговаривать, но он настоял. Правда, ночь была теплая, лунная. И мы поехали в Ореанду. Вот тут-то он и сказал, что его будут читать еще только семь лет, а жить ему осталось еще меньше — всего шесть. В обоих случаях ошибся: жить ему осталось меньше — всего год и три месяца, а читают его уже больше пятидесяти лет, и, вероятно, будут читать еще долго.

Из Крыма я поехал в Москву, заглянул ненадолго к брату, в деревню, а в мае бывал у Чеховых на Петровке и удивлялся, как они могли так высоко снять квартиру, на третьем, то есть по-заграничному на четвертом этаже*, у него уже была одышка, ему очень тяжело было подыматься.

В этот приезд он показался профессору Остроумову, который увидел, что его левое легкое в исключительно плохом состоянии и, сказав, что он «калека», запретил ему жить зимою в Ялте, запретил и поездку в Швейцарию, где он с Ольгой Леонардовной хотели провести лето.

* Здесь Бунин ошибся: третий этаж, по русскому счету, соответствует второму этажу, по счету, принятому в Западной Европе.

А на лето они поселились в имени Якуничковой в Наро-Фоминском⁷⁷. Недель шесть они прожили там. Антон Павлович удил рыбу, купался, — это Остроумов ему разрешил, но Чехов томился окружающей бездельной жизнью, высокопоставленными гостями, и, не выдержав, в десятых числах июля вернулся в Ялту, нарушив приказание Остроумова.

Он работал над своей последней пьесой — «Вишневым садом».

В письме к жене от 29 сентября он пишет между прочим: «... скажи Бунину, чтобы он у меня полечился, если нездоров; я его вылечу»⁷⁸.

Здоровье Чехова, как всегда в Ялте, особенно с наступлением холодных дней, ухудшилось.

* * *

В начале декабря Антон Павлович приехал в Москву. Я тоже был там, — мы с Найденовым готовились к поездке за границу. Ежедневно по вечерам я заходил к Чехову, оставался иногда у него до трех-четырёх часов утра, то есть до возвращения Ольги Леонардовны домой.

Чаще всего она уезжала в театр, но иногда отправлялась на какой-нибудь благотворительный концерт. За ней заезжал Немирович во фраке, пахнущий сигарами и дорогим одеколоном, а она в вечернем туалете, надушенная, красивая, молодая, подходила к мужу со словами:

— Не скучай без меня, дусяк, впрочем, с Букишончиком тебе всегда хорошо... До свиданья, милый, — обращалась она ко мне. Я целовал ее руку, и они уходили. Чехов меня не отпускал до ее возвращения. И эти бедения мне особенно дороги.

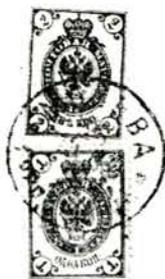
Он иногда мыл себе голову. Я старался развлекать его, рассказывал о себе, расспрашивал о семье. Он много говорил о своих братьях, Николае, Александре, которого он ставил очень высоко и бесконечно жалел, так как он иногда запивал, — этим он объяснял, что из него ничего не вышло, а одарен он был щедро.

Александр Павлович был человек редко образованный: окончил два факультета — естественный и математический, много знал и по медицине.

ВСЕМИРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СОЮЗ. РОССИЯ.
UNION POSTALE UNIVERSELLE. RUSSIE
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО. — CARTE POSTALE.

Ивану Александровичу
Бунину

Зд. ав. Арбат, в Станица

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ, НА КОТОРОЙ НАПИСАНО ШУТОЧНОЕ ПИСЬМО
ЧЕХОВА К И. А. БУНИНУ от 26 ОКТЯБРЯ 1902 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Хорошо разбирался и в философских системах. Знал много языков. Но ни на чем не мог остановиться. А как он писал письма! Прямо на удивление. Был способен и на ручные работы, сам сделал стенные часы. Одно время был редактором пожарного журнала. Над его кроватью висел пожарный звонок, чтобы он мог всегда знать, где горит. Он был из чудаков, писал только куриными перьями. Любил разводить птицу и сооружал удивительные курятники, словом, человек на редкость умный, оригинальный. Хорошо понимал шутку, но последнее время стал тяжел: когда был трезв, то мучился тем, каким он был во хмелю, а под хмелем действительно был тяжел.

Я спросил Антона Павловича:

— А не мучается ли он, что вы заслонили его, как писателя?

Он улыбнулся своей милой улыбкой и ответил:

— Нисколько, ведь и пишет он между делом, так чтобы лишнее заработать. Да я и не знаю, что его больше интересует: литература, философия, наука или куроводство? Он слишком одарен во многих отношениях, чтобы отдаться чему-нибудь одному... Вот и брат Михаил служил в финансовом ведомстве, бросил, работает по книжному делу у Суворина. Пишет рассказы, но никаких усилий не делает, чтобы стать настоящим писателем. У нас ведь нет такого честолюбия, как у многих писателей нынешних. У нас, у всех есть любовь к тому делу, над которым мы трудимся.

* * *

Расспрашивал Антон Павлович меня и о первом представлении пьесы Горького «На дне»⁷⁹ и об ужине, который стоил 800 рублей, и что за такую цену подавали?

Я, изображая Горького, говорил:

— Рыбы первым делом и какой-нибудь этакой, черт ее дери совсем, чтобы не рыба была, а лошадь.

Чехов очень смеялся, а особенно замечанию профессора Ключевского, который был беспечно спокоен, мирно весел, чистенький, аккуратный, в застегнутом сюртучке, слегка склонив голову на бок и искоса, поблескивая очками и своим лукавым оком, мы стояли рядом, и он тихо сказал:

— Лошадь! — Это, конечно, по величине приятно. Но немножко и обидно. Почему же непременно лошадь? Разве мы все ломовые?

* * *

Что думал он о смерти?

Много раз старательно твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме — сущий вздор:

— Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело. Мы как-нибудь потолкуем с вами об этом основательно. Я, как дважды два четыре, докажу вам, что бессмертие — вздор.

Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное:

— Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие — факт. Вот погодите, я докажу вам это...

* * *

Последнее время часто мечтал вслух:

— Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, у озера сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот...

* * *

Его «Архиерей» прошел незамеченным — не то что «Вишневый сад» с большими бумажными цветами, невероятно густо белевшими за театральными окнами. И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Мужиков», Художественного театра!

* * *

Мы с Найденовым уже были в конце декабря на отлете⁸⁰. Чехов рассказывал мне о своем пребывании в Ницце, о М. М. Ковалевском, о консуле Юрасове, давал советы относительно здоровья и, как всегда, уверял, что я проживу до глубокой старости, так как я «здоровенный мужчина», и опять в который раз уговаривал писать ежедневно, бросить «дилетантство», а нужно относиться к писанию «профессионально»...

И не думал я в те дни, что они — наше последнее свидание.

Часа в четыре, а иногда и совсем под утро возвращалась Ольга Леонардовна, пахнущая вином и духами...

— Что же ты не спишь, дуся?.. Тебе вредно. А вы тут еще, Букишончик, ну, конечно, он с вами не скучал!

Я быстро вставал и прощался.

* * *

Перед Рождеством мы с Найденовым уехали за границу.

В Ниццу Чехов прислал мне поздравление с Новым годом, но тон письма был невеселый, он сообщал, что его пьеса еще не шла, и неизвестно, когда пойдет; а письмо помечено 8 января. В письме чувствуется нежность, забота, спрашивает, что я ем? рекомендует есть дышлят и голубей, сокрушается, что судака Кольбер там нет. Кончает: «Целую вас и обнимаю», а после подписи: «А у нас сегодня солонина и индейка!»⁸¹

* * *

В день его ангела была премьера «Вишневого сада», театр устроил ему чествование, которое его, конечно, утомило⁸². Он не переносил никаких чествований, ненавидел быть центром внимания. Воображаю, сколько пошlostей ему пришлось тогда выслушать.

* * *

Началась японская война. В письмах она у него не отразилась.

15 февраля он уехал опять в Ялту, нарушая запрет Остроумова.

Перед отъездом был с женой в Царицыне, смотрел дачу, чтобы в будущем году там поселиться на всю зиму.

В Ялте он застал брата Александра с семьей. Его племянник, будущий артист, вспоминает это время. Антон Павлович был с ним нежен, подарил «Каштанку» и «Белолобого», дарил мелкие вещицы со своего стола, когда он тихо сидел в его кабинете.

Александр Павлович все время был «трезв, добр, интересен, вообще утешает меня своим поведением», пишет он своей жене⁸³.

* * *

Весной Ольга Леонардовна переменила в Москве квартиру, сняла в Леонтьевском переулке, в доме был лифт.

В эту весну 13 апреля он и написал Амфитеатрову из Ялты о моем рассказе «Чернозем», опубликованном в сборнике «Знание»⁸⁴.

3 мая он в Москве.

Сообщает матери: «всю дорогу» нездоровилось, но в Москве «полегчало»⁸⁵.

Рассказывают, что он по приезде в Москву, на другой день, поехал в Сандуновские бани и простудился. В письме Куприну он сообщает от 5 мая:

«Я приехал в Москву, нездоров!» А 10 мая Гольцеву: «...нездоров, лежу в постели, каждый день ходит доктор...»⁸⁶.

В письме к сестре от 21 мая сообщает, что «третьего дня ни с того ни с сего меня хватил плеврит... Как бы там ни было, на 2 июня заказаны билеты... в Шварцвальд...»⁸⁷.

Меня всегда мучает вопрос, почему его повезли за границу в таком состоянии. Сам он Телешову сказал: «Еду умирать». Значит, понимал свое положение. У меня иногда мелькает мысль, что, может быть, он не хотел, чтобы его семья присутствовала при его смерти, хотел избавить всех от тяжелых впечатлений, а потому не возражал. Конечно, порой он надеялся, как большинство чахоточных, что поправится. Замечательно, что сестре он стал из Москвы писать нежнее.

Он и мне в последнем письме, которое не попало в собрание его писем, писал в середине июня, что «чувствую себя недурно, заказал себе белый костюм...»⁸⁸

4 июля 1904 года я поехал верхом в село на почту, взял там газеты и письма и завернул к кузнецу перековать лошади ногу. Был жаркий и сонный степной день, с тусклым блеском неба, с горячим южным ветром. Я развернул газету, сидя на пороге кузнецовой избы, — и вдруг точно ледяная бритва полоснула по сердцу⁸⁹ <...>

IV

Художественный театр отметил пятидесятилетие со дня рождения Антона Павловича литературным утренником, на котором выступал я со своими воспоминаниями. Это было 17 января 1910 года.

Театр был переполнен. В литерной ложе с правой стороны сидели родные Чехова: мать, сестра, Иван Павлович с семьей, вероятно, и другие братья, — не помню.

Мое выступление вызвало настоящий восторг, потому что я, читая наши разговоры с Антон Павловичем, его слова передавал его голосом, его интонациями, что произвело потрясающее впечатление на семью: мать и сестра плакали.

Через несколько дней ко мне приезжали Станиславский с Немировичем и предлагали поступить в их труппу.

Вскоре после этого утренника мы были приглашены к Марье Павловне, где были и Чеховы, живущие в Москве, а среди них и сын Александра Павловича, Михаил, молодой ученик школы Художественного театра, поразивший нас талантливостью жестов: они с сыном Ивана Павловича, студентом Володей, прощаясь в прихожей, что-то манипулировали со шляпами так забавно, что мы из столовой, глядя на них, очень смеялись.

Кто-то сказал:

— Это совершенно по-чеховски! Новое поколение.

А через несколько лет я видел Мишу в Первой студии Художественного театра в пьесе, переделанной из рассказа Диккенса «Сверчок на печи», и его игра меня взволновала до слез.

В 1915 году, 14 декабря видел его второй раз в «Потопе»; играл тоже с большим талантом.

Евгения Яковлевна за пять лет очень состарилась. Мы обрадовались друг другу как родные. Она всегда меня любила. Стала бранить Ялту, с восторгом вспоминать Московскую губернию:

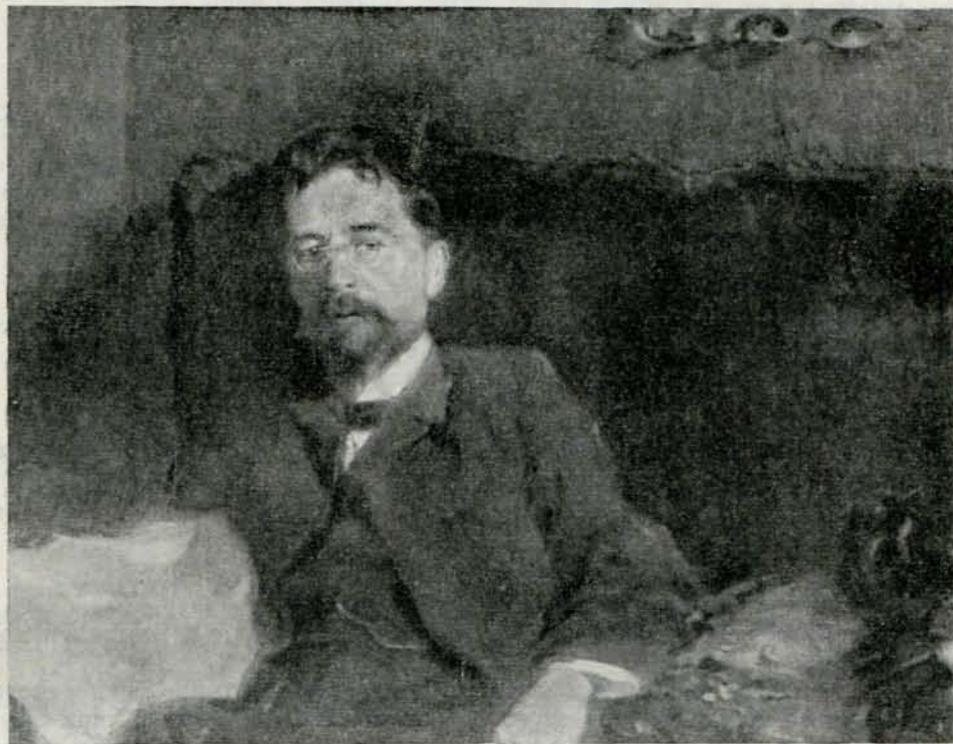
— Здесь лучше, леса, можно по грибы ходить, их тут много, а там что... одно море...

И до чего она была очаровательна в своей наивности.

* * *

Ездил я и на открытие «Комнаты имени Антона Павловича Чехова» для туберкулезного литератора в санатории по Николаевской дороге, кажется, вблизи станции Крюкова, забыл какого доктора.

Ехал я туда в вагоне с Иваном Павловичем, его женой, милой женщиной, и сыном.

ЧЕХОВ

Портрет маслом работы П. А. Нилуса

Портрет был начат в 1902 г. Закончен уже после смерти Чехова

Дом-музей Чехова, Москва

Иван Павлович напоминал покойного брата одним жестом. Он был очень хозяйственный человек, сейчас раскрыл погребец, угостил водочкой и какой-то закуской, и мы незаметно доехали до санатории, где был «пир горой».

* * *

«Литературное ханжество — самое скверное ханжество», — сказал мне Чехов (писал он об этом и Суворину)⁹⁰.

* * *

Отлично писал Горькому: «У вас так много определений... понятно, когда я пишу: „Человек сел на траву...“ Наоборот, неудобопонятно, если я пишу: „Высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь“⁹¹.

* * *

Чехов говорил:

«Писателю надо непременно в себе выработать зоркого, неугомонного наблюдателя... Настолько, понимаете, выработать, чтоб это вошло прямо в привычку... сделалось как бы второй натурой».

* * *

У Чехова каждый год менялось лицо.

* * *

Благородство Чехова — цветы, животные, благородство людских поступков.

* * *

Со всеми он был одинаков, какого бы ранга человек ни был.

* * *

Всеволод Гаршин, которого, несмотря на краткое знакомство, он успел полюбить всей душой, весной 1888 года кончает самоубийством. <...>

* * *

Ехал из Ельца. Купил на станции «Пестрые рассказы» Чехова в 1887 году, читал, не отрываясь.

* * *

Однажды он сказал (по своему обыкновению, внезапно):

— Знаете, какая раз была история со мной?

И, посмотрев некоторое время в лицо мне через плечо, принялся хохотать:

— Понимаете, поднимаюсь я как-то по главной лестнице московского Благородного собрания, а у зеркала, спиной ко мне, стоит Южин-Сумбаев, держит за пуговицу Потапенко и настойчиво, даже сквозь зубы, говорит ему: «Да, пойми же ты, что ты теперь первый писатель в России!»

И вдруг видит в зеркале меня, краснеет и скороговоркой прибавляет, указывая на меня через плечо: «И он...»

* * *

В его записной книжке есть кое-что, что я слышал от него самого. Он, например, не раз спрашивал меня (каждый раз забывая, что уже говорил это, и каждый раз смеясь от всей души):

— Послушайте, а вы знаете тип такой дамы, глядя на которую, всегда думаешь, что у нее под корсажем жабы?

Не раз говорил:

— В природе из мерзкой гусеницы выходит прелестная бабочка, а вот у людей наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница...

— Ужасно обедать каждый день с человеком, который заикается и говорит глупости...

— Когда бездарная актриса ест куропатку, мне жаль куропатку, которая была во сто раз умнее и талантливее этой актрисы...⁹²

Иногда говорил:

— Писатель должен быть нищим, должен быть в таком положении, чтобы он знал, что помрет с голоду, если не будет писать, будет потакать своей лени. Писателей надо отдавать в арестантские роты и там принуж-

дать их писать карцерами, поркой, побоями... Ах, как я благодарен судьбе, что был в молодости так беден!

Как он восхищался Давыдовой!⁹³

— Придет, бывало, к ней Мамин-Сибиряк: «Александра Аркадьевна, у меня ни копейки, дайте хоть пятьдесят рублей авансу». — «Хоть умрите, милый, не дам. Дам только в том случае, если согласитесь, что я запрошу вас сейчас у себя в кабинете на замок, пришлю вам чернил, перо, бумаги и три бутылки пива и выпущу тогда, когда вы постучите и скажете мне, что у вас готов рассказ».

А иногда говорил совсем другое:

— Писатель должен быть баснословно богат, так богат, чтобы он мог в любую минуту отправиться в путешествие вокруг света на собственной яхте, снарядить экспедицию к истокам Нила, Южному полюсу, в Тибет и Аравию, купить себе весь Кавказ или Гималаи... Толстой говорит, что человеку нужно всего три аршина земли. Вздор — три аршина земли нужно мертвому, а живому нужен весь земной шар. И особенно — писателю...

* * *

Замечательная есть строка в его записной книжке:

— Как я буду лежать в могиле один, так в сущности я и живу один⁹⁴.

* * *

Про московских «декадентов», как тогда называли их, он однажды сказал:

— Какие они декаденты, они здоровеннейшие мужики! Их бы в арестантские роты отдать...

* * *

Однажды он, в небольшой компании близких людей, поехал в Алупку и завтракал там в ресторане, был весел, много шутил. Вдруг из сидевших за соседним столом поднялся какой-то господин с бокалом в руке:

— Господа! Я предлагаю тост за присутствующего среди нас Антона Павловича, гордость нашей литературы, певца сумеречных настроений...

Побледнев, он встал и вышел.

* * *

Я приезжал, и случалось, что мы, сидя у него в кабинете, молчали все утро, просматривая газеты, которых он получал множество. Он говорил: «Давайте газеты читать и выуживать из провинциальной хроники темы для драм и водевилей».

Иногда он вдруг опускал газету, сбрасывал пенсне и принимался тихо и сладко хохотать.

— Что такое вы прочли?

— Самарский купец Бабкин, — хохоча, отвечал он тонким голосом, — завещал все свое состояние на памятник Гегелю.

— Вы шутите?

— Ей богу, нет, Гегелю.

А то, опуская газету, внезапно спрашивал:

— Что вы обо мне будете писать в своих воспоминаниях?

— Это вы будете обо мне писать. Вы переживете меня.

— Да вы мне в дети годитесь.

— Все равно. В вас народная кровь.

— А в вас дворянская. Мужики и кушцы страшно быстро вырождаются. Прочтите-ка мою повесть «Три года». А потом вы же здоровеннейший мужчина, только худы очень, как хорошая борзая. Принимайте

аппетитные капли и будете жить сто лет. Я попрошу вам нынче же, я ведь доктор. Ко мне сам Никодим Палыч Кондаков обращался, и я его вылечил. А в воспоминаниях обо мне не пишете, что я был «симпатичный талант и кристальной чистоты человек».

— Это про меня писали, — говорил я, — писали будто я симпатичное дарование.

Он принимался хохотать с тем мучительным удовольствием, с которым он хохотал тогда, когда ему что-нибудь особенно нравилось.

— Постойте, а как про вас Короленко написал?

— Это не Короленко, а Златовратский. Про один из моих первых рассказов. Он написал, что этот рассказ «сделал бы честь и более крупному таланту».

Он со смехом падал головой на колени, потом надевал пенсне и, глядя на меня зорко и весело, говорил:

— Все-таки это лучше, чем про меня писали. Только вот вам мой совет, — вдруг прибавлял он: — перестаньте быть дилетантом, сделайте хоть немного мастеровым. Это очень скверно, как я должен был писать — из-за куска хлеба, но в некоторой мере обязательно надо быть мастеровым, а не ждать все время вдохновенья.

Потом, помолчав:

— А Короленке надо жене изменить, обязательно, чтобы начать лучше писать. А то он чересчур благороден. Помните, как вы мне рассказывали, что он до слез восхищался однажды стихами в «Русском богатстве» какого-то Вербова или Веткова, где описывались «волки реакции», обступившие певца, народного поэта, в поле, в страшную метель, и то, как он звучно ударил по струнам лиры, что волки в страхе разбежались? Это вы правду рассказывали?⁹⁵

— Честное слово, правду.

— А кстати, вы знаете, что в Перми все извозчики похожи на Добролюбова?

— Вы не любите Добролюбова?

— Нет, люблю. Это же порядочные были люди. Не то, что Скабичевский, который писал, что я умру под забором от пьянства, так как у меня «искры божьей нет».

— Вы знаете, — говорил я, — мне Скабичевский сказал однажды, что он за всю свою жизнь не видал, как растет рожь, и ни с одним мужиком не разговаривал.

— Ну, вот, вот, а всю жизнь про народ и про рассказы из народного быта писал!

* * *

Необыкновенно радовался он однажды, когда я рассказал ему, что наш сельский дьякон до крупинки съел как-то на именинах моего отца фунта два икры. Этой историей он начал свою повесть «В овраге».

Он любил повторять, что если человек не работает, не живет постоянно в художественной атмосфере, то, будь он хоть Соломон премудрый, все будет чувствовать себя пустым, бездарным.

Иногда вынимал из стола свою записную книжку и, подняв лицо и блестя стеклами пенсне, мотал ею в воздухе:

— Ровно сто сюжетов! Да-а, милсдарь! Не вам, молодым, чета! Работник! Хотите, парочку продам!

* * *

Иногда он разрешал себе вечерние прогулки. Раз возвращаемся с такой прогулки уже поздно. Он очень устал, идет через силу, — за последние дни много смочил платков кровью, — молчит, прикрывает глаза.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА

А. Л. СЕЛИВАНОВОЙ-КРАУЗЕ

НА ОТДЕЛЬНОМ ИЗДАНИИ

«ДУЭЛИ» (СПб., 1895)

•Rp. Kalii bromati 10,0

Aq. destill. 180,0

D. S. Через 2 часа по столовой ложке
гг. Несчастным, влюбленным
в госпожу Краузе. Чехов 97—5/1»

Литературный музей, Москва

В Калий bromat 10,0
 Aq. destill 180,0
 Через 2 часа по одной ложке
 гг. Несчастным, влюбленным
 в госпожу Краузе.
 МУЗЕЙ

Чехов
 97/5
 11

Проходим мимо балкона, за парусиной которого свет и силуэты женщин.
 И вдруг он открывает глаза и очень громко говорит:

— А слышали? Какой ужас! Бунина убили! В Аутке, у одной татарки!

Я останавливаюсь от изумления, а он быстро шепчет:

— Молчите! Завтра вся Ялта будет говорить об убийстве Бунина!

* * *

Один писатель жаловался: «До слез стыдно, как слабо, плохо начал я писать!»

— Ах, что вы, что вы! — воскликнул он. — Это же чудесно — плохо начать! Поймите же, что, если у начинающего писателя сразу выходит все честь честью, ему крышка, пиши пропало!

И горячо стал доказывать, что рано и быстро созревают только люди способные, то есть не оригинальные, таланта в сущности лишённые, потому что способность равняется умению приспособляться и «живет она легко», а талант мучится, ища проявления себя.

⟨Из части второй⟩

В 1905 году, с конца сентября и до 18 октября, я в последний раз гостил в опустевшем, бесконечно грустном ялтинском доме Чехова, жил с Марьей Павловной и «мамашей», Евгенией Яковлевной. Дни стояли серенькие, сонные, жизнь наша шла ровно, однообразно — и очень нелегко для меня: все вокруг — и в саду, и в доме, и в его кабинете — было, как при нем, а его уже не было! Но нелегко было решиться и уехать, прервать эту жизнь. Слишком жаль было оставлять в полном одиночестве этих двух женщин, несчастных сугубо в силу чеховской выдержки, душевной скрытности; часто я видел их слезы, но безмолвно, тотчас преодолеваемые; единственное, что они позволяли себе, были просьбы ко мне побыть с ними подольше: «Помните, как Антоша любил, когда вы бывали или гостили у нас!» Да и мне самому было трудно покинуть этот уже ставший чуть ли не родным для меня дом, — а я уже чувствовал, что больше никогда

не вернусь в него, — этот кабинет, где особенно *все* осталось, как было при нем: его письменный стол со множеством всяких безделушек, купленных им по пути с Сахалина, в Коломбо, безделушек милых, изящных, но всегда давивших меня, — я бы строки не мог написать среди них, — его узенькая, белая, опрятная, как у девушки, спальня, в которую всегда отворена была дверь из кабинета. А в кабинете, в нише с диваном (сзади кресла перед письменным столом), в которой он любил сидеть, когда что-нибудь читал, лежало «Воскресение» Толстого, и я все вспоминал, как он ездил к Толстому, когда Толстой лежал больной в Крыму, на даче Паниной.

* * *

Чехову не нравился его успех. Он боялся своей славы, боялся стать «модным писателем».

* * *

Во всем, что относилось к труду, он был суров, непримирим: как беспощадно отчитал он Лику Мизинову, когда она, взявшись за перевод, не выполнила работы ⁹⁶.

* * *

...Удивительно знал он женское сердце, тонко и сильно чувствовал женственность, среди образов, рождавшихся в его мечте, есть образы пленительные, много было любивших его, и редко кто умел так, как он, говорить с женщинами, трогать их, входить с ними в душевную близость...

* * *

Очень зоркие глаза дал ему бог!

* * *

Из Воронежа родители увезли меня в свое орловское имение. Вот с этой поры я и начинаю помнить себя. Там прошло мое детство, отрочество.

В те годы уже завершалось пресловутое дворянское «оскудение», — под таким заглавием написал когда-то свою известную книгу ныне забытый Терпигорев-Атава ⁹⁷. После него называли последним из тех, которые «воспевали» погибающие дворянские гнезда, меня, а затем «воспел» погибшую красоту «вишневых садов» Чехов, имевший весьма малое представление о дворянах-помещиках, о дворянских усадьбах, о их садах, но еще и теперь чуть не всех поголовно пленяющий мнимой красотой своего «Вишневого сада». Я Чехова за то очень многое, истинно прекрасное, что дал он, причисляю к самым замечательным русским писателям, но пьес его не люблю, мне тут даже неловко за него, неприятно вспоминать этого знаменитого Дядю Ваню, доктора Астрова, который все долбит ни к селу, ни к городу что-то о необходимости насаждения лесов, какого-то Гаева, будто бы ужасного аристократа, для изображения аристократизма которого Станиславский все время с противной изысканностью чистил ногти носовым батистовым платочком — уж не говорю про помещика с фамилией прямо из Гоголя: Симеонов-Пищик. Я рос именно в «оскудевшем» дворянском гнезде. Это было глухое степное поместье, но с большим садом, только не вишневым, конечно, ибо, вопреки Чехову, нигде не было в России садов *сплошь* вишневых: в помещичьих садах бывали только *части* садов, иногда даже очень пространные, где росли вишни, и нигде эти части не могли быть, опять-таки вопреки Чехову, *как раз* возле господского дома, и ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, совсем некрасивых, как известно, корявых, с мелкой листвой, с мелкими цветочками в пору цветения (вовсе не похожими на то, что так крупно, рос-

кошно цветет как раз под самыми окнами господского дома в Художественном театре); совсем невероятно к тому же, что Лопахин приказал рубить эти доходные деревья с таким глупым нетерпением, не давши их бывшей владелице даже выехать из дому: рубить так поспешно понадобилось Лопахину, очевидно, лишь затем, что Чехов хотел дать возможность зрителям Художественного театра услышать стук топоров, воочию увидеть гибель дворянской жизни, а Фирсу сказать под занавес: «Человека забыли...» Этот Фирс довольно правдоподобен, но единственно потому, что тип старого барского слуги сто раз был написан до Чехова. Остальное, повторяю, просто несносно. Гаев, подобно тому, как это делают некоторые персонажи и в других пьесах Чехова, постоянно бормочет среди разговора с кем-нибудь чепуху, будто бы играя на бильярде: «Желтого в середину... Дуплет в угол...» Раневская, будто бы помещица и будто бы парижанка, то и дело истерически плачет и смеется: «Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо! Детская! Милая моя прекрасная комната! (плачет). Шкапик мой родной? (целует шкаф). Столик мой! О, мое детство, чистота моя! (смеется от радости). Белый, весь белый сад мой!» Дальше — точно совсем из «Дяди Вани», — истерика Ани: «Мама, мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя! Вишневый сад продан, но не плачь, мама! Мы насадим новый сад, роскошнее этого, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама!» А рядом совсем этим студент Трофимов, в некотором

小狗卡施坦卡的故事

安·契甫夫著 石 溪譯

КИТАЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
РАССКАЗА «КАШТАНКА»

Обложка
Шанхай, 1953

少年兒童出版社

роде «Буревестник»: «Вперед! — восклицает он, — мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там, вдали! Вперед! Не отставай, друзья!».

Раневская, Нина Заречная... Даже и это: подобные фамилии придумывают себе провинциальные актрисы.

* * *

Многим это покажется очень странным, но это так: он не любил актрис и актеров, говорил о них так:

— На семьдесят пять лет отстали в развитии от русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди. Вот, например, вспоминаю Соловцова...

— Позвольте, — говорю я, — а помните телеграмму, которую вы отправили Соловцовскому театру после его смерти?

— Мало ли что приходится писать в письмах, телеграммах. Мало ли что и про что говоришь иногда, чтобы не обижать...

И, помолчав, с новым смехом:

— И про Художественный театр...

* * *

Весной 1901 г. мы с Куприным были в Ялте (Куприн жил возле Чехова в Аутке). Ходили в гости к начальнице Ялтинской женской гимназии Варваре Константиновне Харкеевич, восторженной даме, обожательнице писателей. На Пасхе мы пришли к ней и не застали дома.

Пошли в столовую к пасхальному столу и, веселясь, стали пить и закусывать.

Куприн сказал: «Давай напишем и оставим ей на столе стихи». И стали, хохоча, сочинять, и я написал на скатерти (она потом вышила):

В столовой у Варвары Константиновны
Накрыт был стол отменно-длинный,
Была тут ветчина, индейка, сыр, сардинки —
И вдруг ото всего ни крошки, ни соринки:
Все думали, что это крокодил,
А это Бунин в гости приходил.

Чехов несколько дней смеялся и даже выучил наизусть.

* * *

У Чехова каждый год менялось лицо:

В 1879 г. по окончании гимназии: волосы на прямой ряд, длинная верхняя губа с сосочком.

В 1884 г.: мордастый, независимый; снят с братом Николаем, настоящим монголом.

В ту же приблизительно пору портрет, писанный братом: губастый, башкирский малый.

В 1890 г.: красавость, смелость умного живого взгляда, но усы в стрелку.

В 1892 г.: типичный земский доктор.

В 1897 г.: в каскетке, в пенсне. Смотрит холодно в упор.

А потом: какое стало тонкое лицо!

Самый лучший портрет его приложен к книге «Чехов в воспоминаниях современников».

* * *

Жизнь его, с детства и до последних лет, была перегружена страданиями, лишениями, тяжелыми трудностями.

* * *

Чехов жил небывало напряженной внутренней жизнью.

* * *

Среди видений, посещавших его, была темная, грязная лестница, в пролет которой бросился Гаршин, которого он любил.

* * *

...описание воскресного торга у Чехова (в Москве на Трубной площади): «Копшатся, как раки в решете, сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров. Слышно разноголосое пение птиц, напоминающее весну».

Хорошо.

* * *

А «Убийство» все-таки необыкновенно замечательный рассказ.

* * *

*Лучшие, по моему мнению,
произведения Чехова.*

- 1883 — Дочь Альбиона.
 1884 — Жалобная книга. Устрицы.
 1885 — Ворона.
 1886 — Святой ночью. Тина. На пути. Хористка.
 1887 — Беглец. Холодная кровь. Тиф. Каптанка. Враги.
 1888 — Степь. Припадок. Пари (?). Красавицы (первая). Именины (?).
 Скучная история.
 1889 — Княгиня.
 1890 — Гусев.
 1891 — Дуэль.
 1892 — Попрыгунья (рассказ хорош, но ужасное заглавие). Жена. Палата
 № 6. В ссылке (напечатано во «Всемирной иллюстрации»).
 1893 — Рассказ неизвестного человека. Володя большой и Володя ма-
 ленький.
 1894 — Учитель словесности. Черный монах. Бабье царство. Студент.
 Рассказ старшего садовника.
 1895 — Три года. Убийство. Белолобый. Супруга. Ариадна (хороша
 женщина).
 1896 — Чайка. Дом с мезонином.
 1897 — Печенег.
 1898 — Ионыч. О любви. Душечка.
 1899 — Дама с собачкой. На святках.
 1900 — В овраге.
 1902 — Архиерей.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Имеется еще второе письмо, дающее основание предполагать, что днем рождения Чехова следует считать не 17, а 16 января 1860 г.—16 января 1898 г. Чехов писал М. П. Чеховой: «Мне стукнуло уже 38 лет» (XVII, 215). Первое письмо см. XVIII, 20.

² Это наблюдение подтверждается рядом других свидетельств. См., например, письмо Ал. П. Чехова к отцу, написанное 19 июня 1889 г., после возвращения с похорон Н. П. Чехова: «На душе скверно и слезы душат. Ревут все. Не плачет только один Антон, а это скверно» (ЛБ, ф. 331, 31/1/34).

³ Рассказа под заглавием «Святые горы» у Чехова нет. Бунин, очевидно, имел в виду рассказ «Перекати-поле».

⁴ В письме к Ал. П. Чехову от 20-х чисел февраля 1883 г. (XIII, 51) Чехов назвал «кичеевщиной» среду газетчиков мелкой прессы. Взятая в кавычки фраза из примечания к этому письму (XIII, 426).

⁵ Сравни слова из автобиографии Чехова, посланной в письме к Г. И. Россолимо от 11 октября 1899 г. (XVIII, 243—244).

⁶ В письме к О. Л. Книппер от 4 сентября 1901 г. Чехов писал о получении для нее паспорта: «Хотел я сначала сделать тебя „женою почетного академика“, но потом решил, что быть женою лекаря куда приятнее» (XIX, 129—130).

⁷ См. письмо Мих. П. Чехову от 6—8 апреля 1879 г. (XIII, 29). 1877 годом это письмо датировано в т. I «Писем Чехова».

⁸ О почитании родителей говорит пятая заповедь.

⁹ Цитируется письмо Чехова от 29 июля 1877 г. (XIII, 26).

¹⁰ 23 ноября 1877 г. Ал. П. Чехов писал Ант. П. Чехову: «Анекдоты твои пойдут. Сегодня я отправлю в „Будильник“ по почте две твоих остроты: „какой пол преимущественно красится“ и „бог дал“ (детей). Остальные слабы. Присылай поболее коротеньких и острых. Длинные бесцветны» («Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова», М., 1939, стр. 47—48). В «Будильнике» эти остроты не напечатаны. Принадлежат ли Чехову какие-нибудь из печатавшихся в «Будильнике» «анекдотов» — не установлено.

¹¹ Из письма Чехова Лейкину от 21—24 августа 1883 г. (XIII, 74).

¹² См. XIII, 49 и 51.

¹³ См. XIII, 194—198. Письмо цитируется Буниным с большими пропусками и не всегда точно.

¹⁴ В ноябре — декабре 1884 г. в Московском окружном суде слушалось дело Скопинского банка. Чехов присутствовал на всех заседаниях суда и посылал корреспонденция «из зала суда» в «Петербургскую газету», где они напечатаны в шестнадцати номерах с 24 ноября по 10 декабря за подписью Рувер (II, 494—533).

¹⁵ Чехов писал о выступлении известного адвоката Ф. Н. Плевако: «Речь его ровна, мягка, искренна. Образных выражений, хороших мыслей и других красот многое множество, но... слишком уж поверхностно и витиевато! Дикция лезет прямо в душу, из глаз глядит огонь, но соловья не накормишь пластическими устарелостями вроде „храмина“, „скрижал“, „начертание“, „логовище“... , которыми пестрит его речь, не накормишь его и общими местами... Речь продолжается час с четвертью, и г. Плевако, отходя от пишотра, оставляет какое-то странное, смешанное впечатление. Публика долго не верит, что он уже кончил... Ждет она еще чего-то, ибо мало того, что изрек г. златоуст, до того мало, что в голове после его речи не остается ничего, кроме отдельных выражений и афоризмов» (III, 524—525).

¹⁶ Кровохарканье началось 7—8 декабря 1884 г. 10 декабря Чехов писал Лейкину: «Вот уже три дня прошло, как у меня ни к селу ни к городу идет кровь горлом. Это кровотечение мешает мне писать, помешает поехать в Питер <...> причина сидит, вероятно, в лопнувшем сосудике» (XIII, 119).

¹⁷ Об этом Чехов писал Ал. П. Чехову 15—20 октября 1883 г. (XIII, 79).

¹⁸ Чехов ездил в Петербург в декабре 1885 г. Об этой поездке писал Ал. П. Чехову 4 января 1886 г. (XIII, 156—158).

¹⁹ Из письма к Лейкину от 19 января 1886 г. (XIII, 166).

²⁰ Письмо это неизвестно. О получении его Чехов пишет Суворину 21 февраля 1886 г. (XIII, 178).

²¹ Письмо это опубликовано с небольшими купюрами в сб. «Слово», кн. 2. М., 1914. Полностью — в «Летописи», стр. 130—132.

²² Чехов ответил Григоровичу не 20-го, а 28 марта 1886 г. (XIII, 191—194).

²³ Чехов ответил М. В. Киселевой 14 января 1887 г. (XIII, 261—265).

²⁴ Здесь, по-видимому, ошибка, встречающаяся и у других мемуаристов (К. С. Станиславский, М. П. Чехова, Е. П. Пешкова и др.). О дате знакомства Чехова с Курприным см. выше, на стр. 377.

²⁵ См. воспоминания К. С. Станиславского в сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 365—366.

²⁶ Художник Куровский, в доме которого в Одессе жил Бунин.

²⁷ Чехов жил за границей с 14 декабря 1900 г. до 9 февраля 1901 г.

²⁸ Бунин имеет в виду письмо Чехова к матери от 8 января 1901 г. (XIX, 15).

²⁹ Бунин имеет в виду отношения Чехова к Авиловой, о которых он узнал из воспоминаний Авиловой, напечатанных в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников».

³⁰ Имеется в виду письмо Чехова к М. П. Чеховой от 9 января 1898 г., в котором он писал «Что Лика и как ее мастерская? <Мизинова писала Чехову, что хочет открыть мастерскую шляп>. Она будет шитьте на своих мастериц, ведь у нее ужасный характер. И к тому же она очень любит зеленые и желтые ленты, и громадные шляпы, а с такими пробелами во вкусе нельзя быть законодательницей мод и вкуса» (XVII, 211).

³¹ Имеется в виду письмо Л. С. Мизиной Чехову от 20 сентября 1894 г., в котором она писала: «Я очень, очень несчастна. Не смейтесь. От прежней Лики не осталось следа и, как я думаю, все-таки не могу не сказать, что виной всему вы!» (XVI, 470).

³² О. М. Соловьева (Березина), ялтинская знакомая Чехова, владелица имения Суук-Су в Крыму.

³³ 31 января 1901 г. в Московском Художественном театре.

³⁴ В письме к О. Л. Книппер от 23 февраля 1901 г. (XIX, 44).

³⁵ В 1888 г., когда Чехов жил на Луке возле г. Сумы Харьковской губ., он ездил по Украине с 14 по 19 июня. 21 июня 1888 г. он писал Лейкину: «Был в Лебедяне, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах» (XIV, 124). В Святогорском монастыре Чехов жил 6—8 мая 1887 г.

³⁶ Этот рассказ написан в 1885 г. Напечатан в журнале «Осколки», 1885, № 22, от 1 июня, под заглавием: «Павлин в вороньих перьях». В собрание сочинений включен под заглавием «Ворона».

³⁷ См. письма к О. Л. Книппер от 20 и 23 февраля 1901 г. (XIX, 40 и 44).

³⁸ Письмо Бунину от 14 марта 1901 г. (XIX, 61).

³⁹ См. XIX, 67.

⁴⁰ О. Л. Книппер была в Ялте с 30 марта до 14 апреля 1901 г.

⁴¹ Письмо от 20 апреля 1901 г. (XIX, 74). Об этом эпизоде см. выше в публикации писем Бунина к Чехову (прим. 2 к письму 6).

⁴² См. письмо от 22 апреля 1901 г. (XIX, 76).

⁴³ См. письмо от 26 апреля 1901 г. (XIX, 78).

⁴⁴ Из письма Чехова к М. П. Чеховой от 20 мая 1901 г. (XIX, 88).

⁴⁵ См. XIX, 92.

⁴⁶ Венчание Чехова с О. Л. Книппер произошло в Москве 25 мая 1901 г. в церкви Воздвижения на Овражке в Воздвиженском переулке на Плющихе. Присутствовали на венчании только четыре необходимых свидетеля, шафера: Вл. Л. Книппер, А. И. Зальца — брат и дядя О. Л. Книппер, студент-юрист Ф. И. Зейферт и студент-химик Д. В. Алексеев. После венчания Чехов и Книппер, посетив мать последней, тотчас отправились на вокзал и уехали на кумыс в Уфимскую губ.

⁴⁷ 30 июня 1901 г. — день отправления этого письма Чехова Бунину (XIX, 108).

⁴⁸ Письмо от 17 августа 1901 г. (XIX, 117).

⁴⁹ Письмо от 9 сентября 1901 г. (XIX, 133).

⁵⁰ В. М. Дорошевич и П. Н. Орленев были в Ялте в августе 1901 г.

⁵¹ Письмо от 6 сентября 1901 г. (XIX, 131).

⁵² Новое здание Художественного театра было отстроено к сезону 1902/1903 г.

⁵³ Письмо от 5 декабря 1901 г. (XIX, 184).

⁵⁴ Из писем к О. Л. Книппер от 6 декабря и 7 декабря 1901 г. (XIX, 185 и 186).

⁵⁵ Письмо от 15 января 1902 г. (XIX, 222).

⁵⁶ 7 февраля 1902 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Толстой, вероятно, не выживет, сегодня Альтшуллер говорил по телефону, что сердце у старика работает плохо» (XIX, 241).

⁵⁷ О. Л. Книппер была в Ялте с 22 по 28 февраля 1902 г. и оттуда уехала в Петербург, где гастролировал Художественный театр.

⁵⁸ См. XIX, 325.

⁵⁹ В. Г. Короленко послал А. Н. Веселовскому письмо с отказом от звания почетного академика 25 июля 1902 г.

⁶⁰ Пьесу Найденова «Дети Ванюшина» Бунин привез Чехову в конце марта 1902 г.

⁶¹ См. воспоминания Н. Д. Телешова в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 443—444.

⁶² Телеграмма о болезни О. Л. Книппер была получена Чеховым 5 апреля 1902 г. 14 апреля ее привезли в Ялту.

⁶³ См. XIX, 281.

⁶⁴ О пребывании Чехова в пермском имении С. Т. Морозова Всеволодо-Вильве см.: А. Ш ар ц. Чехов на Урале (газета «Молодая гвардия», Молотов, 1954, № 82).

⁶⁵ Этот и предшествующие два отрывка (от слов: «Вечером Чехов пригласил меня...») представляют собой выписку из воспоминаний о Чехове А. Н. Сереброва (Тихонова) — см. сб. «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 559—566. Помимо мелких неточностей, исправленных нами, Бунин сделал в тексте Сереброва ряд купюр, которые иногда носят тенденциозный характер. Так им выпущено заключительное суждение Чехова о Горьком: «Вы совсем не то цените в Горьком, что надо. А у него действительно есть прекрасные вещи. „На плотак“, например. Помните? Плывут в тумане... ночью... на Волге... Чудесный рассказ! Во всей нашей литературе я знаю только еще один такой, это „Тамань“ Лермонтова...»

⁶⁶ Чехов с О. Л. Книппер прожили в Любимовке до середины августа. Упомянутое письмо Чехова к О. Л. Книппер от 24 августа 1902 г. (XIX, 323).

⁶⁷ XIX, 338.

⁶⁸ XIX, 363.

⁶⁹ XIX, 364.

⁷⁰ «О, закрой свои бедные ноги» — однострочное стихотворение В. Я. Брюсова служившее предметом насмешек противников символизма.

⁷¹ XIX, 395—396.

⁷² XIX, 404.

- ⁷³ XX, 9.
- ⁷⁴ Письмо от 10 января 1903 г. (XX, 15).
- ⁷⁵ XX, 48.
- ⁷⁶ Бунин ошибся. Это была, вероятно, рукопись рассказа «Дом с мезонином», который Чехов писал в декабре 1895 г. Повесть же «Бабье царство» была в это время уже напечатана (в январской книжке «Русской мысли» 1894 г.).
- ⁷⁷ Чехов был у проф. Остроумова 24 мая 1903 г. В этот день он писал М. П. Чеховой: «Сегодня был у проф. Остроумова, он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение легких (эмфизема) и катарр кишок — и проч. и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное запретил жить зимою в Ялте, находя, что ялтинская зима вообще скверна, и приказал мне проводить зиму где-нибудь поблизости Москвы, на даче. Вот тут и разберись! Как бы то ни было, надо искать теперь для зимы убежище <...> за границу я не поеду, останусь под Москвой и буду жить у Якуничковой на Наре, куда уезжаю завтра» (XX, 101).
- ⁷⁸ XX, 141.
- ⁷⁹ Первое представление состоялось 18 декабря 1902 г.
- ⁸⁰ Бунин и Найденов собирались ехать в Ниццу.
- ⁸¹ XX, 206.
- ⁸² 17 января 1904 г.
- ⁸³ В письме от 8 марта 1904 г. (XX, 244).
- ⁸⁴ В письме от 13 апреля 1904 г.: «...прочел и великолепный рассказ Бунина „Черновоз“. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его вашему вниманию» (XX, 268).
- ⁸⁵ В письме от 4 мая 1904 г. (XX, 280).
- ⁸⁶ XX, 280 и 281.
- ⁸⁷ В письме от 22 мая 1904 г. (XX, 285).
- ⁸⁸ Последнее из опубликованных писем Чехова к Бунину относится к 8 января 1904 г. (XX, 206). Упоминаемое здесь письмо от середины июня 1904 г. остается неизвестным.
- ⁸⁹ Делая эту запись в 1914 г., Бунин ошибся в дате. Живя в июле 1904 г. в деревне, он о смерти Чехова узнал с запозданием. В письме к М. П. Чеховой от 5 июля он еще спрашивал ее о здоровье Чехова: «...напишите мне, пожалуйста, как здоровье Антона Павловича и где он? Я слышал, что он нездоров и мне это очень грустно» (ЛБ). Отклик его на смерть Чехова в письме к М. П. Чеховой от 9 июля см. выше, на стр. 400—401.
- ⁹⁰ В письме от 5 февраля 1893 г. (XVI, 20).
- ⁹¹ В письме от 3 сентября 1899 г. (XVIII, 221).
- ⁹² Записи на страницах 53, 92, 118 и 120 первой записной книжки Чехова (XII, 223, 244, 263).
- ⁹³ А. А. Давыдова — издательница журнала «Мир божий».
- ⁹⁴ Запись на стр. 121 первой записной книжки Чехова (XII, 266).
- ⁹⁵ Имеется в виду стихотворение Н. Ведкова «В ожидании утра», напечатанное в журнале «Русское богатство», 1899, № 5 (8), август.
- ⁹⁶ Имеется в виду письмо к Л. С. Мизиновой от 27 июля 1892 г. (XV, 412).
- ⁹⁷ Роман С. Н. Терпигорева (Атавы) «Оскудение» в 2-х томах (1881—1882).